

Ю Н Ы Й
НАТУРАЛИСТ 68 2

ОГНЕННЫЕ ЦВЕТЫ

Пробитая осколком солдатская каска. В скоротечной атаке упала она на землю да так и осталась лежать. Заросли окопы. Ожила спаленная снарядами земля. Случайно занесло ветром под каску маленькое семечко цветка. Неукротимо движение природы. Пробойна с рваными краями, в бессмысленной ярости принесшая когда-то на землю смерть, стала окном в новую жизнь. Салютуя солнцу, выбросила ромашка резные белоснежные лепестки. Есть в этом салюте цветка благодарность тому неизвестному герою, что подарил сегодняшнее цветение... Но были другие салюты — салюты в честь живых и павших героев, отстаивавших свободу и независимость страны.

У каждого человека есть своя реликвия, драгоценный талисман детства. С ним связано самое сокровенное, чистое и дорогое. Мой талисман — три жестяные крышки-донца от ракет. От тех ракет сорок четвертого года, которые взлетали над Москвой во время салютов.

Чего только не собирают мальчишки! Конфетные обертки и марки, оловянных солдатиков и открытки, спичечные этикетки и пуговицы. В войну о конфетах чаще приходилось мечтать — я собирал жестяные кругляшки от ракет. У меня было их много, но сохранились только три. Маленькие, наполовину съеденные ржавчиной. Лак протерся настолько, что с трудом угадываешь первоначальную окраску: красную, желтую, белую.

...Москва сорок четвертого года. Настороженная, затаившаяся. Правда, не было уже в этой настороженности гнетущего ожидания воздушных налетов, но чувствовалось, как крепко врезались они в людскую память.

Днем забот у нас хватало.

Интересно, например, встречать баллон с воздухом для аэростата. О нем оповещали восторженные мальчишеские крики. Заслышав их, выбегал я на тротуар. Медленно приближаясь, плыло над самой мостовой огромное темно-зеленое чудовище, этакий кашалот без хвоста. Вцепившись в толстые просмоленные веревки, с трудом удерживали его солдаты. Кашалот нервничал, пытался вырваться, ударить с привязи. Резкий порыв ветра задирает голову чудовища вверх. Баллон начинало вертеть, ставило почти вертикально. Вот тогда-то наступал наш черед. Подпрыгнув, по двое, по трое повисали мы на веревках и притягивали его к земле. А потом не отходили до самого бульвара, где замерли на тросах серебряные рыбины аэростатов.

Трудно представить сегодня вечернюю Москву без мерцающего зарева огней. Если попадетесь случайно глухой переулочек, где от фонаря до фонаря приходит-

ся вышагивать в темноте, обязательно выругаешь про себя нерадивого электрика, который плохо следит за освещением. Но если бы такой слабый свет зажегся тогда, летом сорок четвертого, радости нашей не было бы предела.

Темнота приходила снизу, словно разом выпускали ее все подвалы бомбоубежищ. Медленно поднимаясь по стене, оставляла она над крышей бледную сумеречную полосу света. Потом и та гасла, и только редкие сполохи трамваев пытались иногда разорвать, отбросить густую темень.

Вот почему особенно радовались мы салюту. Первую весть о нем приносила машина. Желтая, в коричневых цветах, еще засветло въезжала она во двор, неуклюже разворачивалась и замирала у подъезда. Сначала по неоструганным доскам съезжал с нее зачехленный прожектор. Мы ждали, когда откроют глубокое круглое зеркало, выбрасывающее сразу так много света. Чаще всего прожектор открывали перед первым залпом. Словно пробуя на ощупь темноту, загорался где-то внутри красный робкий огонек. Подрагивая, набирал силу и становился вдруг багровым, ослепительным. И тут же толстенный столб света прорезал темноту. Он дышал и вздрагивал. Внутри него в бесшабашном вихре чем выше к небу, тем быстрее и быстрее крутились мириады крохотных пылинки. Фосфоресцирующий столб прожектора протягивался к облакам, упирался в них, расплываясь в белое огромное блюдце. А рядом выстраивались точно такие же, еще и еще... Неожиданно гремел первый залп. Стремительно прочертив узкий след, ракеты взрывались высоко над крышей огненными букетами и, рассыпавшись на сотни маленьких разноцветных искр, гасли, оставляя в небе дымный размочаленный ветром хвост. И снова вступали прожекторы. В погоне друг за другом они то перекрещивались, то начинали такую безумную игру в «пятнашки», что невозможно было уследить в этой круговерти, где наше белое блюдце. До последнего залпа не отрывали мы глаз от неба, а потом искали на земле заветные кругляшки.

Шли недели... Москва салютовала уже по несколько раз в день разным фронтам. Возвращаясь из школы, поспешно бросал я дома портфель и бежал к машине узнать, какой фронт отличился сегодня. Прожектор прописался в нашем дворе надолго. Солдат разместили в бомбоубежище, и командовал теперь ими пожилой сержант. Маленький, худой, шинель висела на нем, как на колу, он не обращал на нас никакого внимания, только покрикивал, если кто-нибудь пытался покрутить прожектор: «Не шалить!» Подбородок его изуродовал шрам, а на правой руке недоставало двух пальцев. Но, несмотря на это, козьи ножки крутил он виртуозно. Сержанта мы невзлюбили и называли между собой «злюкой».

Не знаю, кто первым принес это слово, но звучало оно непонятно и загадочно: «Интендант!» О такой должности мы никогда не слышали, и маленький сержант сразу вырос в наших глазах. Но по-прежнему оставался «злюкой», каких мало. Может, никогда бы не подружился мы, если бы не случай. Виной всему мой гербарий. С единственного чахлого клена, росшего во дворе, я оборвал для засушки половину еще зеленых листьев. Сержант заметил это, но ничего не сказал. Вечером, запалив очередную козью ножку, сержант подсел к нам на скамейку и так отчитал «за

Научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и
Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации имени
В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году

сознательное варварство» (это его подлинные слова), что лучше бы провалиться мне сквозь землю. Потом дядя Федя (так звали сержанта) частенько приходил к нам, и до поздней ночи напрасно кричали в форточки мамы и тети: «Пора спать!»

Кто не заслушивался в те годы воспоминаниями бывалых фронтовиков! Притихшие от восторга и зависти, с жадностью проглатывали мы рассказы дяди Феди. Из всех его историй запомнилась мне почему-то одна. Ничего вроде в ней нет необыкновенного, а вот врезалась в память — и все тут!

Сейчас точно не помню, где все произошло, знаю, что под Витебском. Весной сорок четвертого. Полк дяди Феди держал оборону, зарывшись в землю на опушке леса. Впереди за дорогой — сожженная деревня. За околицей подступал к самой дороге яблоневый сад. Так уж получилось, что сад и деревня оказались на ничейной земле. Деревья стояли в цвету. Иногда ветер доносил до наших траншей их нежный аромат. И столько в нем было несокрушимой жизненной силы, что не мог заглушить его душный запах пороховой гари. Как-то ночью раздались в саду жестокие удары топора. Фашисты рубили яблони. Никто не знал, что затевают они, только утром бело-розовое облако сада заметно сократилось. Тогда-то и пошел дядя Федя к ротному. Сказал, что на войне без риска не бывает и что развеять необходимо, для чего потребовалось вражине стучать топором.

Они ушли впятером. Топор в ту ночь молчал. — Век тот сад буду помнить, — закончил тогда рассказ дядя Федя. — Не успел я скрутить немца, достал до подбородка проклятый топор...

С тех пор огненные цветы салютов открылись для меня другой стороной. Много позже, повзрослев, прочитал я в книге об одном удивительном африканском цветке. Лепестки его окрашены в разные цвета. Тогда я не знал этого. Но неосознанно чувствовал, что огненные цветы салюта — красные, желтые, белые — вобрали в свое разноцветье не только простое сообщение об освобождении городов и поселков. Я понимал, что Советская Армия возвращала людям красоту цветения, крепкий настой соснового бора и солнечную свежесть березовых рош. Мне открылась в салютах возрожденная радость жизни, пересвист синиц, далекое кукование кукушки — все то, что с детства наполняло счастьем человека, и без чего человек не мог жить.

Где-то под Витебском каждую весну расцветает сад дяди Феди. И может быть, лежит там в тени яблоневых крон солдатская каска. Гудят над ней провода высоковольтных передач, медленно плывут облака и точно так же тянется к солнцу ромашка. Она салюует великому подвигу советского народа, Советской Армии, которая вот уже полвека бережет для нас красочное цветение земли.

В. Кулагин

Патент — слово латинское. Это свидетельство, которое выдается изобретателю на его изобретение.

В картотеках патентных бюро зарегистрированы изобретения человека: от усовершенствованной точилки для карандашей до самого современного ракетного двигателя. Но там нет патентов, автором которых является природа — растения, насекомые, рыбы, птицы.

В тот день, когда первобытный человек каменным ножом рассек тушу мамонта, не с целью вырезать лакомый кусок мяса, а потому что ему просто было любопытно, что находится внутри зверя, родилась наука биология. Наука о живом.

Развитие ее шло медленно. Слишком уж сложным был объект изучения. Поэтому биология дробилась на более мелкие науки. Параллельно шло развитие техники. Еще совсем недавно биолог представлялся в образе героя романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта» — доброго и чудачковатого Паганеля с сачком и гербарной папкой. Биолог сегодня совмещает в себе любовь к природе с глубокими знаниями математики и физики.

Биологи нашли, что очень многие процессы, происходящие в живых организмах, можно и удобно моделировать с помощью машин. Так родилась кибернетика.

В свою очередь, инженеры убедились, что даже самые «умные» и совершенные машины по своей надежности, экономичности и размерам отстают от простейших представителей живого мира. И тогда инженеры стали пользоваться «патентами природы», через сотни лет биология и техника слились воедино. Появилась новая наука — бионика.

И как часто случается, бионика началась... с игрушек. Игрушечная черепаха американского ученого Грея Уолтера уве-

ренно шла на луч света, обходила препятствия, «запоминала» их. Судьба другой игрушки — электронной собаки — печальна. Привлеченная светом фар, она... попала под машину.

В различное время развития цивилизации на пьедестал почета поднимались разные науки. И настало время, когда на верхнюю ступень пьедестала взошла дочь биологии и техники — бионика. Этот «звездный час» бионики наступил сегодня.

УЧИСЬ У НИХ — У ДУБА И БЕРЕЗЫ

Афанасий Фет, поэт

Современную маскировочную плащ-палатку солдата человек подсмотрел у природы: у кузнечиков и бабочек.

Вот кружит над травой бабочка-медведица. У нее красивые задние крылья: ярко-красные с черным рисунком, а передние — кремовые. У этой бабочки есть привычка скрываться от преследователей, внезапно падая в траву и прикрывая передними крыльями задние. Найти место, где она сидит, почти невозможно. Покровительственная окраска многих гусениц сходна с окраской листьев, которыми они питаются.

Действительно, есть чему поучиться у живой природы.

Золотисто-желтое поле подсолнухов. Их цветущие головки смотрят на ясное лицо солнца. Подсолнух неустанно поворачивает свою головку вслед за диском солнца. На языке техники это называется следящая система с памятью. Над поведением золотистой головки подсолнуха задумались инженеры-бионики. И... на космических кораблях появились солнечные батареи, ориентирующиеся на Солнце.

А сколько интересного может найти ин-

женер, рассматривая правильные и причудливые узоры зеленого листа! Сеточка на нем должна обеспечить самое лучшее водоснабжение листа. И природа за тысячелетия создала такой узор сосудов.

Перед нами строительная площадка новостройки. Вдоль и поперек разбежались канавы и канавки для водопровода, газа, телефонного кабеля. А нельзя ли перенести геометрию зеленого листа на стройплощадку? Например, площадка будет иметь форму дубового листика, тогда трубы выгоднее размещать на ней по его образцу.

Бобры — специалисты по гидросооружениям. Муравьи и термиты — по строительству. В Америке в горах был найден большой термитный город: выше полутора тысяч гнезд высотой до двух метров. Дома-гнезда были соединены улицами — подземными ходами. Каждый дом был «высотным»: на 20—30 термитных этажей. Столько же этажей имелось и под землей. С поразительным знанием дела возводят насекомые свои сооружения!

Много полезного позаимствовал человек и у растений. Проектируя высотные здания-небоскребы, американские архитекторы разработали систему фундаментов, взяв за образец расположение корней деревьев, растущих на склонах гор, где ветер всегда дует с одной стороны.

Корни растений заинтересовали ученых еще по одной причине. Все необходимые ему химические элементы они высасывают из почвы вместе с водой. Некоторые виды растений накапливают в себе очень редкие металлы: ванадий, титан, молибден. Очень заманчиво вместо шахт и рудников создать автоматические «корешки», которые извлекали бы из породы дорогие и редкие элементы таблицы Менделеева.

ЗНАНИЕ — СИЛА

Френсис Бэкон, философ

Самолеты и автомобили развивают скорость несравненно большую, чем любые обитатели неба и суши. И лишь в воде самыми быстрыми остаются рыбы. Для боевых военных кораблей и подводных лодок скорость — залог победы. Недаром быстрые и юркие торпедные катера во время Великой Отечественной войны были грозой огромных, неповоротливых дредноутов.

Человек с давних пор завидовал умению рыб быстро плавать под водой.

В последние годы во всем мире возрос интерес к созданию мирных подводных судов для изучения океанских глубин, проведения спасательных работ, подводной перевозки нефти и руды. Подлодки очень удобны для плавания в северных морях.

Они легко передвигаются под толщей льда. Им не страшны непогода и шторм. Знание «конструкции» рыб и морских животных приносит много пользы в судостроении.

Давайте организуем экспедицию в порт недалекого будущего. У причалов стоят громадные океанские лайнеры. Но постойте... кого же они напоминают нам? Ну, конечно же, они очень похожи своей формой на обтекаемые тела дельфинов, которые резвятся неподалеку в открытом море. И форма корабельных винтов во многом позаимствована из конструкций хвостов рыб и китов.

Запахи — основной вид связи в мире животных. Военные специалисты решили использовать тонкое обоняние тюленей для обнаружения вражеских подводных лодок.

Обычно подводные лодки обнаруживали с помощью гидрофонов — особых трубок, опущенных в воду. Но они «слышали» подводную лодку только тогда, когда судно, на котором был установлен гидрофон, стояло на месте. Когда же оно двигалось, возникавшие у трубки гидрофона завихрения воды производили такой сильный грохот, что он заглушал шум винтов подводной лодки. Тюлени же хорошо слышат шум и улавливают запахи под водой даже при быстром передвижении. У тюленей выработали условный рефлекс на запах отработанного машинного масла и шум винтов. Дрессировка проходила успешно. Но... ни одной подводной лодки тюлени не обнаружили. Они тотчас забывали о служебных обязанностях, едва замечали стаю сельдей — свою излюбленную пищу. Тогда ученые решили очертания подводной части гидрофона сделать по образцу тюленьих ушей. Завихрения и шум прекратились, и корабль-охотник мог на полном ходу слышать и преследовать подводную лодку противника.

А электронный нос пригодился в других местах: в шахте, на борту космического корабля, в подводной лодке. Он узнает запахи многих вредных веществ и приятные запахи свежих яблок и бананов.

Антарктида — земля пингинов. Сколько там птиц! А ведь в этих местах лютуют морозы, свирепствует пурга. Горы сыпучего снега. И в таком царстве холода зимуют, растут пингвинят и кочуют огромные и степенные птицы в черных фраках, напоминающие дипломатов. Когда они спешат, то передвигаются очень своеобразно — на животе, отталкиваясь лапами — крыльями, словно лыжными палками.

Наблюдения ученых за пингвинами пригодились при постройке нового вида советского вездехода для полярных районов. Даже имя ему дали «Пингвин». Лежа днищем на снегу, вездеход скользит, отталкиваясь своеобразными лапами.

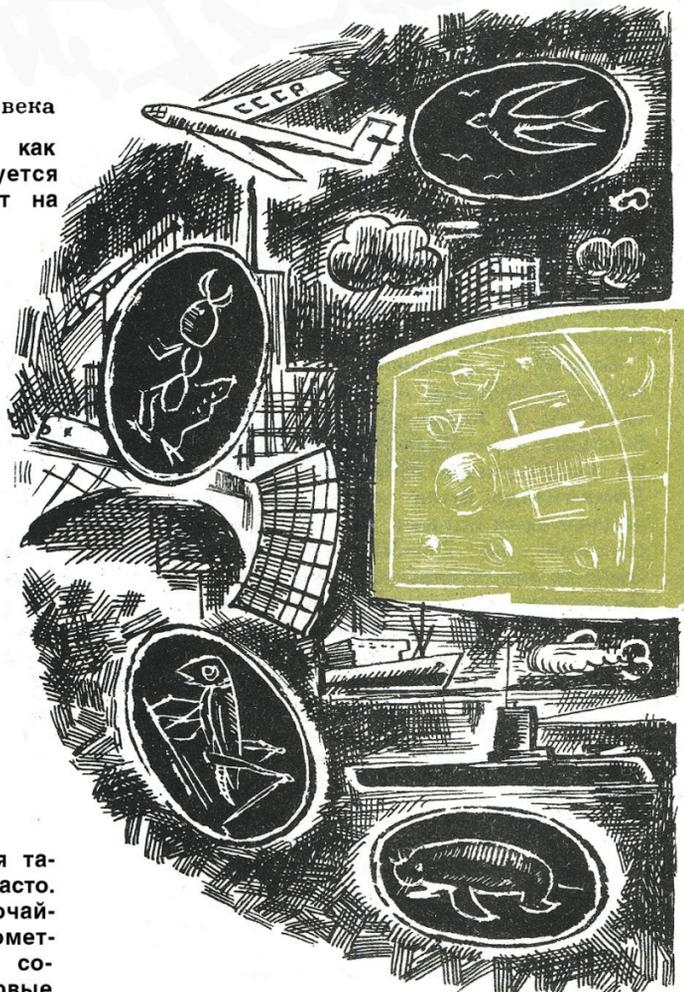
ЖИВЫЕ ПАТЕНТЫ — КЛЮЧ К НОВОЙ ТЕХНИКЕ

Ученые XX века

Человека до сих пор интересует, как видит пчела, как рыба ориентируется в мутной воде, почему кошка падает на четыре лапы, и, конечно, многое-многое другое.

На боевых самолетах используется свыше ста тысяч электронных деталей. Чем меньше вес и число деталей, тем больше скорость, высота, боевая маневренность. Это победа в воздушном бою. Не случайно именно авиаторы интересуются изучением и созданием легких и малогабаритных аппаратов. Образцами для их создания служат птицы и насекомые. Бабочка-данаида весит меньше грамма. Трудно поверить, что ее тонкие, словно бумажные, крылышки уносят это хрупкое насекомое на сотни километров во время ежегодных сезонных перелетов на юг. Сколько интересного узнают авиаконструкторы, когда будет раскрыта тайна этого маленького «летательного прибора»!

Узнать о приближающемся землетрясении очень важно. Особенно для таких стран, где они бывают очень часто. Ученые предложили просверлить глубочайшую скважину — глубиной в 9 километров — и установить там сейсмограф, соединенный с радиопередатчиком. Первые незначительные колебания почвы — сигналы опасности — в тот же момент станут известны ученым. Но люди не научились

ИНАКОГОЛОВ

Более 100 лет назад, в 1864 году, один иностранный ученый, Е. Рюппель, описал нового, ранее никому не известного зверька из Африки. Он дал ему странное имя, в переводе на русский язык означающее: голый инакоголов. Этим ученый хотел подчеркнуть, что зверек лишен шерсти и что голова у него иной, какой-то другой формы и вида, чем у обычных млекопитающих.

Мы называем этого очень редкого африканского зверька голой крысой, или землекопом. Размером он не больше обыкновенной мыши, с крутой, массивной головой, лишенной ушных раковин, с крохотными глазками (всего 0,5 миллиметра в диаметре), которые закрывают толстые, мясистые веки. Из рта вперед торчат крупные и острые изогнутые зубы, на песочно-желтой коже лишь кое-где единичные короткие щетинки. Да шерсть и не нужна землекопу в раскаленных песках пустыни, где зверек проводит почти всю свою жизнь под землей. Обитает зверек на небольшой площади центральной части Восточной Африки. Встречается очень редко. Его биология совершенно не изучена. Нет никаких сведений о том, чем питаются инакоголовы, когда и сколько приносят потомства, каков образ жизни инакоголового. Этот зверек относится к отряду грызунов и имеет некоторое сходство с нашим слепшонком.

еще бурить скважины такой глубины. Как быть?

В природе существуют живые «сейсмографы». Обыкновенный кузнечик обладает «сверхабсолютным» слухом. Находясь в Подмоскowie, кузнечик ощущает землетрясение в 5—6 баллов, которое произошло в районе Дальнего Востока. Пройдет несколько лет, и «электронный кузнечик» научится не только ощущать, но и предсказывать землетрясение.

А теперь перенесемся в город будущего. Здесь мы не услышим привычного рычания автомобильных моторов. Исчезнут синеватые облачка выхлопного газа. Место обычных автомашин займут электромобили. В небе появятся электролеты, в море — электроходы. Эта техническая революция произойдет, когда человек научится превращать химическую энергию в электрическую, подобно тому как это делает электрический скат.

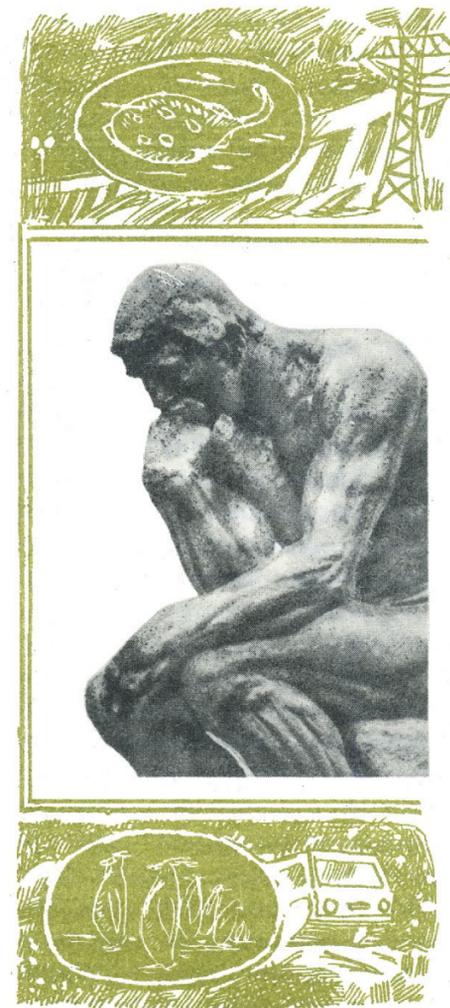
Можно перечислить еще множество совершенных «приборов», которыми природа щедро снабдила представителей животного и растительного царства.

Муравейник и подсолнух, бобы-строители и бабочки-путешественницы, добродушные пингвины и чуткие кузнечики, обычный зеленый лист никогда не перестанут удивлять нас чудесами живого мира нашей планеты. Их очень много. Бионика поможет поставить эти чудеса на службу человека.

Потому что бионика — это ничего лишнего,

бионика — это целесообразность,
бионика — это надежность.

Я. ДОСКАЧ, Р. КОРОТКИЙ

У ребят с Благовещенской областной станции юных натуралистов — волшебные руки. Юные цветоводы решили украсить родной город. И в одном только прошлом году собрали они семена 36 видов новых цветов. Сколько раз видели юннаты красивые полевые цветы! Им очень хотелось, чтобы цветы росли возле школы. Купальница, ирис, ландыш уже переселились к ним на клумбы.

За окнами сейчас лежит снег. Он укутал клумбы, грядки. А в помещении станции кипит работа. Цветоводы рассылают семена на Украину, в Москву, в Воркуту и другие города страны. Зацветут весной возле памятников героям, погибшим в Великой Отечественной войне, цветы, семена которых любовно вырастили благовещенские ребята.

Толстым пуховиком укрыл снег землю. Чисты и гладки, как лед заливного катка, подмосковные поляны. Но стоит растаять снегу, нет-нет да и проглянет кое-где в лесу израненная, истерзанная войной земля. Много лет назад сюда падали вражеские бомбы. Они взрыли всю землю, вывернули с корнем деревья и застыли небольшими ямами-воронками, которые уже успели зарости новыми деревьями. Сколько выстрадала и вытерпела подмосковная земля!.. На ней боролись и побеждали герои. Многие из них не дожили до победы. Об этом хорошо знают подмосковные юннаты. Не раз склоняли ребята свои головы у могил. В прошлом году у юннатов калининградской школы № 12 состоялся поход по местам боевой славы. На своем пришкольном участке ребята вырастили гвоздики. А когда прошли по местам

давно отгремевших боев — загорелись у памятников погибшим героям красные огоньки гвоздик. Земля впитала в себя кровь героев. Гвоздики легли на эту землю; поэтому и горят они так ярко.

Хороший питомник у юннатов Мамонтовской средней школы Алтайского края: 100 тысяч саженцев вяза, 280 тысяч тополя и 48 тысяч облепихи. Хозяйство немалое! Много забот у ребят. Каждое деревце требует внимательного ухода. То по весне некоторые саженцы слишком поздно выбрасывают первые клейкие листочки, а то среди лета нападёт вредитель, и раньше времени наступит в питомнике осень. Только все предусмотрели ребята, вырастили крепкие, здоровые деревья. И теперь появились в поселке две новые аллеи. Аллеи Победы. Мамонтовским юннатам дорога память героев, с оружием в руках отстаивших их сегодняшнее счастье.

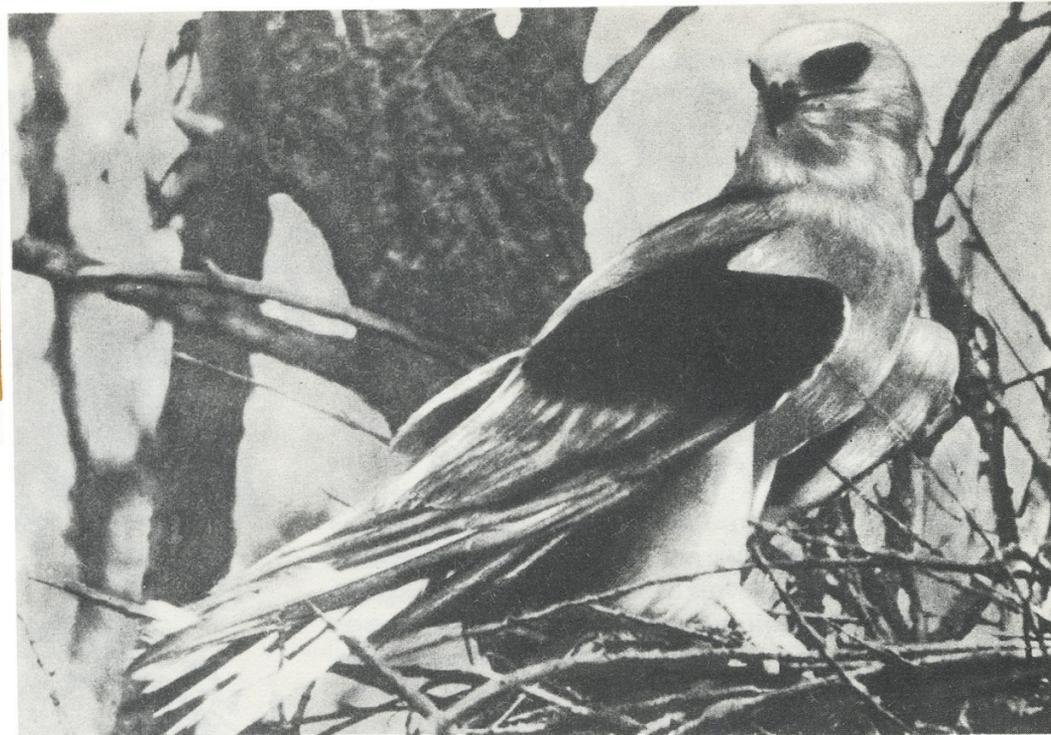
Не раз смотрели пугачевские ребята кинофильм «Чапаев». И всегда замирало сердце, когда летела по экрану знакомая, распластанная по ветру чапаевская бурка. Это их любимый фильм, потому что слишком близко ребятам имя героя гражданской войны. В их родном городе Пугачеве, что на Саратовщине, есть сквер имени В. И. Чапаева. Шефствуют над ним юннаты школы № 3. Много забот у юных любителей природы. Нужно вовремя обрезать деревья, чтобы стояли они весной зелёные и пушистые. А возле памятника перекопать землю, чтобы лучше росли цветы. Вот почему, когда в зрительном зале гаснет свет и на экране вспыхивает знакомое название кинофильма, с гордостью вспоминают ребята свой сквер, где они полные хозяева, и цветы, которые они дарят каждый год легендарному герою.

Живые

РЕДКОСТИ

БЕЛОХВОСТЫЙ КОРШУН

Пожалуй, самое красивое, самое элегантное сочетание цветов — это белого и черного с голубовато-серыми переходами. Именно так окрашен американский белохвостый коршун, судьба которого сложилась довольно трагично.

С белой головой, в черных «очках» и черным, крючкообразно загнутым острым клювом, в черной «накидке» на плечах и с серо-голубыми спинкой и маховыми перьями он выглядит просто красавцем.

Размером белохвостый коршун немного больше нашего домашнего голубя-«сизаря».

Белохвостый коршун решительно избегает городов и поселков. Он любит влажные луга, болотистые топи, обводненные пастбища с небольшими кустарниками и деревьями. Там коршун и гнездится. Его охотничьи участки — пашни и возделанные поля. Здесь он добывает себе пищу. Крупных насекомых коршун ловит прямо в воздухе, хватая их не клювом, как другие птицы, а лапой.

В прошлом столетии его часто можно было встретить на юге США, в Мексике. Иногда коршун залетал даже в Гватемалу. Считая его хищной, а потому «вредной» птицей, коршуна настойчиво истребляли. Тем более что и стрелять-то в него было совсем легко: он был очень доверчив и летал медленно, красиво планируя. Каждый, кто имел за плечами ружье, никогда не пропускал возможности вцепить заряд в подвернувшуюся мишень. И пока орнитологи разобрались, что этот маленький хищник вовсе не вредитель, а наоборот, полезная птица, так как в основном питается мышевидными грызунами и крупными насекомыми, коршуна уже истребили.

К тридцатым годам нашего столетия птица перестала встречаться. И хотя белохвостого коршуна к этому времени окончательно записали в список «вымерших» животных, все же охоту на него запретили. На всякий случай. И оказалось, не зря!

В начале сороковых годов появились слухи, что в глухих районах Калифорнии видели нескольких коршунов. Сейчас в Калифорнии насчитывается уже несколько сотен белохвостых коршунов. Но во Флориде они исчезли окончательно. В Техасе живут всего несколько пар этих красивых птиц.

Однако, как отмечают американские орнитологи, белохвостые коршуны потеряли свою прежнюю доверчивость. Они стали гораздо пугливее, совершенно не подпускают к себе человека, как это делали их предки. Изменение «характера» птиц ученые объясняют тем, что все доверчивые птицы были выбиты. Остались в живых наиболее пугливые, жившие в самых глухих уголках страны, в недоступных болотистых местах, где человек появлялся редко. Таких было немного, но именно они и стали родоначальниками новой популяции «осторожных» белохвостых коршунов. Ну что ж! Это возможно.

АФРИКАНСКАЯ КРАСАВИЦА

Из общего числа всех обитающих на земном шаре змей, а их 2500 видов, только десятая часть ядовита. Причем больше половины из них так редко встречаются, что практически их можно не принимать во внимание.

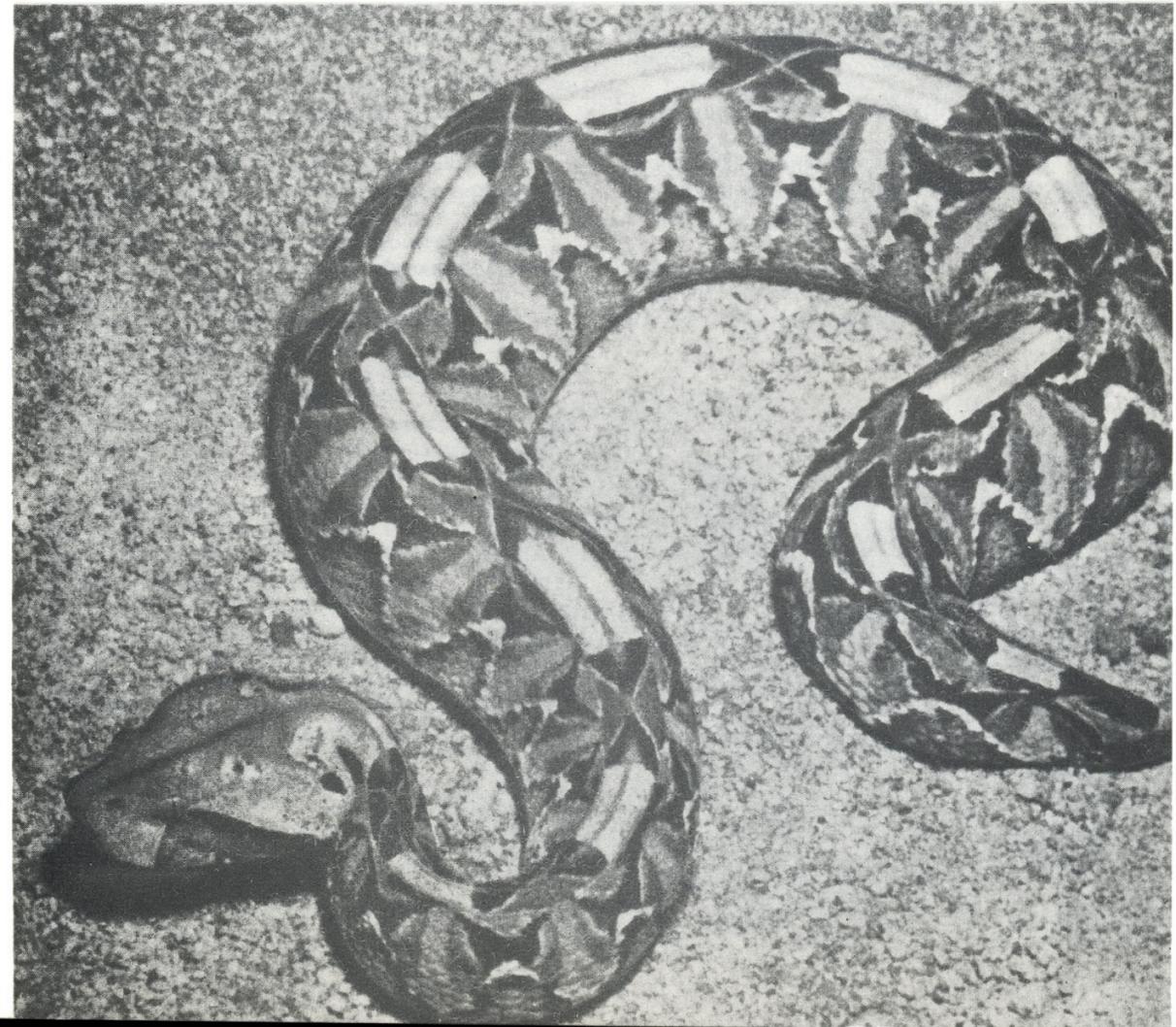
На фотографии вы видите габонскую гадюку. Длина ее — 1,7 метра, обхват — 37 сантиметров, а вес — 8,2 килограмма. Длина ядовитого зуба — около 2 сантиметров. Питаются эти гадюки мелкими грызунами, птицами, лягушками и жабами, проглатывая их, как и все змеи, целиком. Они хорошо видят, у них прекрасное обоняние. А звуки змеи воспринимают всем телом, улавливая малейшие колебания земли.

Габонская гадюка относится к яйцеживородящим змеям. Детеныш развивается в яйце в теле матери. И как только змея отложит его, скорлупа яиц лопается, и на свет появляются маленькие змейки. Их может быть от 20 до 60.

Габонская гадюка встречается только в западной части Центральной Африки и, несмотря на свою относительную редкость, вместе с жабьей гадюкой относится к самым ядовитым и опасным африканским змеям, укус которых почти всегда смертелен. Яд этих змей действует и на кровь и на нервную систему.

Окраска габонской гадюки броская, декоративная. Крупные ярко-желтые и серо-желтые пятна на спине и боках чередуются с красно-коричневыми и оливково-синими. Симметричный рисунок разноцветных пятен выглядит еще более выпуклым, так как он очерчен светлыми и черными линиями.

За великолепную окраску эту африканскую красавицу охотно держат в крупных террариумах, несмотря на то, что ее яд очень опасен для человека.

СОКЛЕР ИЗ ЗАКАРПАТЬЯ

По внешнему виду или, как говорят собаководы, по экстерьеру, он, пожалуй, и не привлек бы ничего внимания. Довольно неказистый, кудлатый пес какой-то неопределенной масти, шерсть на морде, на голове торчит торчком.

Может, он такой взъерошенный оттого, что приехал издалека — из Закарпатья? До Москвы не близко. Да нет, не оттого... Соклер всегда такой. Такая порода. Пули. Не слышали? Это пояснил мне хозяин Соклера, а точнее — чабан одного из закарпатских колхозов, усатый мужчина в расширенной гуцульской рубашке, овчинной безрукавке и в шляпе с перышком.

Итак, о Соклере из породы пули. Пули (и близкие к ним пумы) живут в горах, на пастбищах. Их много в Западной Украине и в соседней с нами Венгрии. Они охраняют скот. И не только скот.

Мы сидели у прудика, где табунами ходили большие сытые зеркальные карпы. Соклер сидел у ног хозяина. Неловким движением чабан внезапно толкнул лежащую на скамейке фуражку. Она упала в воду.

Соклер мгновенно вскочил — и бултых за нею. Через минуту фуражка была у меня в руках, правда мокрая.

Ожидая нового приказа, Соклер кругами плавал около берега, не отрывая взгляда от своего повелителя-чабана.

У противоположного берега в воде копошились утки. Чабан подал знак — Соклер устремился туда. Минуты не прошло, как все крякушки оказались у нашего берега. Соклер пригнал их. Он не пугал птиц, а умело подгонял, направлял, приближаясь к ним то с одной, то с другой стороны.

— Довольно? — Чабан чуть-чуть улыбался в усы.

Ему было приятно, что мне нравится Соклер.

Мы встали и пошли. Соклер последовал за нами. Утки уже опять были на противоположной стороне, копались в тине.

— Ой, я же забыл фуражку на скамейке!

И я хотел вернуться назад. Но чабан остановил меня.

— Соклер! — У него это отрывистое «Соклер» получалось как-то не так, как у меня. Что он еще сказал псу, я не знаю.

Соклер опрометью умчался. Вернулся, подал фуражку!

Ну и молодчина! Все знает, все умеет!

— На выставке ему что-нибудь дали? — Медаль получил. А мне — диплом.

Мы попрощались. Они пошли в свою сторону, я — в свою.

Вот и все.

...Хотите посмотреть, как Соклер работает у себя дома, со скотом, на горных, благоухающих ароматом цветов, туманных поутру и солнечных в разгаре дня полянах — полонинах? Как он помогает своему другу-чабану сохранять общественное добро? Приезжайте в Закарпатье.

Б. РЯБИННИН

В октябре радио принесло радостную весть: межпланетная космическая станция «Венера-4» совершила мягкую посадку на поверхность планеты Венера. Эта великая радость для всех любителей живой природы была омрачена данными анализа венерианской атмосферы: там настолько жарко, что ни один земной организм не сможет жить на Венере. В атмосфере планеты нет кислорода, необходимого для жизни на Земле, и очень мало воды! Следовательно, по нашим земным понятиям там немислима никакая жизнь.

Но разочаровываться преждевременно. Даже у нас на Земле, где много мест с умеренным и холодным климатом, где, так сказать, имеется свобода выбора, немало животных и растений приспособились к жизни в жарких пустынях и к жизни в очень горячих источниках. Если бы у нас было много мест с еще более жарким климатом, не исключено, что живые организмы приспособились бы и к таким условиям. Ведь несмотря на то, что в земной атмосфере очень много кислорода, некоторые, правда довольно примитивные, организмы обитают в среде, где он совершенно отсутствует. Так что высокая температура и отсутствие кислорода не могут быть абсолютным препятствием для жизни. Не исключено, что какие-нибудь растения или низшие животные существуют и на Венере.

Действительность может превзойти все наши ожидания. Во вселенной, возможно, существует, кроме белковых, много других форм жизни. Естественно, что для них наши земные мерки совершенно неприемлемы.

Но даже если в настоящее время на Венере нет никаких следов жизни, для этой планеты еще не все потеряно. Мы могли бы поселить в верхних слоях ее атмосферы, где не так жарко, примитивные одноклеточные растения, которые, пстреляя углекислый газ, продуцировали бы кислород. Если в настоящее время среди земных организмов не удалось бы найти для этого вполне подходящих, то

их можно создать путем селекции. Очень высокая плотность венерианской атмосферы позволит крохотным одноклеточным существам плавать в ней, не падая на поверхность планеты. С помощью таких организмов в конечном итоге удалось бы коренным образом изменить газовый состав атмосферы Венеры.

Эта задача для зеленых растений, имеющих хлорофилл, вполне по силам. Ведь и наша земная атмосфера в том виде, какой мы ее знаем сейчас, создана живыми организмами. Когда-то и в земной атмосфере кислорода было значительно меньше, чем теперь, а углекислого газа гораздо больше. Нужно только запастись терпением. В настоящее время растения Земли ежегодно потребляют 650 миллиардов тонн углекислого газа, при этом они продуцируют 350 миллиардов тонн кислорода. Несколько сотен миллионов лет будет вполне достаточно для того, чтобы в корне преобразовать атмосферу Венеры. Есть основания предполагать, что к тому времени и температура на этой планете значительно снизится. Тогда земляне смогут чувствовать себя там совсем как дома!

Б. Сергеев,
кандидат биологических наук

**В МИРЕ
ОТКРЫТИЙ**

РАЗОЧАРОВАНИЯ ПРЕЖДЕ ВРЕМЕНИ

СВЕТ ПУТОРАНЫ

Всего два слова — горы Путорана. Но гремит в них каменное эхо, высокое и гулкое: «Орана-ана-а-а!» Гремит, затихая, будто теряется в неприступных древних ущельях, будто уходит в даль тысячелетий, пролетевших над этой удивительной страной.

Я не знаю таймырских гор. В моем сердце с детства живет равнинная тундра, многоцветная, как нефтяные пятна на воде. Кто-то придумал, что тундра однообразна. Не надо этому верить.

Север — страна невероятных красок. Северное небо, как линза, раслаивает свет солнца и свет луны на такие цвета, которым человек еще не придумал названия.

Весенними вечерами, когда земля еще скупо зелена, как только солнце уходило за горизонт, свершалось чудо. Я бросала все и мчалась на Енисей, чтобы не прозевать его. Оттуда, где блестящие речные излуины сливались с небом, вдруг начинали течь небывалой нежности и щедрости краски — розовые, лазоревые, желтоватые, изумрудные. Они лились широко, фантастически перемешиваясь, и по небу и по реке. И казалось мне тогда, что я маленькая-маленькая, плыву куда-то в огромном мыльном пузыре, плыву вместе с берегом, вместе с маленьким черным городком Усть-Портом, вместе с ветром, тревожно и остро пахнущим прошлогодней оттаявшей клюквой и влажным мохом.

А потом, когда солнце переставало уходить с неба, боясь, должно быть, прокараулить лето, тундра расцветала. Она цвела жадно и мощно, выплескивая на прохладные мхи розовую пену грушанок, белые озера пушицы, желтые лужицы полярных маков. Текущие прозрачные краски закатов переселялись на землю, закреплялись на ней и становились первозданно-чистыми и сочными.

Север не любит длинных весен и продолжительных осеней. Когда приходил холод и солнце малодушно пряталось от него, диковинные сияния вставали над самой белой землей. Они зарождались где-то в глубоких тайниках черного неба. Трепеща и шурша, развертывались над маленьким городком невесомые нежные полотнища, желто-зелено-красные. Острые искры — голубые, красные, оранжевые — вспыхивали на синих сугробах. И не каждый мог долго смотреть на эту красоту. Я тоже скоро пугалась ее и убегала домой.

В другие часы огромная слепящая луна вставала над городком, и в странном свете ее все становилось серебряным. По серебряным улицам бежали серебряные олени. Из труб на серебряных крышах вились серебряные дымки. Из серебра были руки и лица людей.

Когда же на смену полярным сияниям и лунным ночам приходила темнота, то была она тоже особенной — синей, глубокой, таинственной. Пыхтя, бродил в ней ветер, шуршал снегом, играл на проводах, как на виолончели, зачем-то старательно обшаривал стены домов. И даже щеки мои трогал мягкими живыми лапами.

И вот спустя много лет возвратилась я в эти края. Стою в тесной пилотской кабине. Жду, когда появится, наконец, на горизонте страна гор — Путорана.

Горы начинаются внезапно, крутым, почти километровым уступом. Они похожи на белые подушки. Вершин в обычном понятии нет. Как будто под огромную равнину подсунули великанский кулак. Равнина приподнялась куполом, и вся при этом полопалась. В ущельях-трещинах потекли реки, по крутым склонам выросли деревья, а вершины гор получились плоскими, как столы, и голыми, потому что здесь, на такой высоте, могут жить только самые холодостойкие растения.

Интересна история Путораны. На всех других частях суши выростали темные, душные леса из огромных папоротников, рождались и вымирали удивительные животные, уступая место другим, более жизнестойким. А нынешняя Путорана то опускалась, становясь дном моря, то поднималась высоко, и тогда на протяжении целых геологических эпох клочкотали на ней вулканы, заливая расплавленной лавой сотни километров земли. Никого не хотела пускать к себе эта страна! И только когда застыла она на смерть под толщами ледников, на снежные равнины ступили косматые мамонты, обросшие густой шерстью носороги, легконогие олени.

Но еще и сейчас не успокоилась Путорана, продолжает медленно подниматься.

Я жадно всматриваюсь, как бы увидеть эти самые следы прошлого. Геологи говорят, что здешние реки, путь которых так извилист, а повороты резки, не всегда текут в новых руслах. Часть пути реки проходят там, где текли они миллионы лет назад. Но откуда мне знать, где древнее русло, а где новое? Мне остается утешить себя только тем, что я вижу места, над которыми обессиливают, тают ветры, приносящие мягкую влагу из Атлантики. Где-то здесь зарождается могучий, суровый антициклон. Здесь возникает резко континентальный климат — отец жестоких сибирских морозов и порой не менее беспощадного летнего зноя.

А внизу горы, реки, бесконечные озера, задернутые чистой пленкой снега. Мы летим не очень высоко, должно быть. Во всяком случае, видно, как вспыхивают и рассыпаются вдруг веером тучи белых искр над самой землей. Это взлетают напуганные ревом моторов белые куропатки. Меня вдруг торопят: «Смотрите, дымок!» Наш «Ан-2» идет на посадку. Я ничего не успеваю заметить. Перед самолетом распаивается голубая долина — озеро Аян. Оно кажется мне бесконечным. Из всех озер, которые я видела сверху, только оно одно не покрыто снегом. Самолет садится прямо на черно-синий в трещинах лед, припрыгивает и, наконец, останавливается возле берега. Теперь-то и я вижу дымок!

Он струится из железной трубы маленького, неказистого домика. Оттуда навстречу нам что есть духу мчится человек в меховой куртке, в унтах. На нем косматая шапка. Немного сбоку тяжело бежит огромный лохматый пес.

Первое время не до посторонних. Все, кто не занят на выгрузке, отходят от самолета.

Мы тихо бредем по железно гремящему насту к домику. Вокруг него явные следы лета. Умывальник на гвозде, деревянные основы для больших палаток. Большущий градусник. А над дверью красным карандашом написано: «Хижина дяди Тома».

— Можно войти?

Спиной к нам сидит, прижав к ушам черные раковинки наушников, русоволосый человек в толстом свитере и меховой жилетке. Поворачивается широким плечом, угловато и не спеша. С заветренного, крепкого лица улыбаются голубые глаза.

— Здравствуйте, — говорим мы, — это вы — дядя Том?

Человек смеется:

— Дядя Том ушел в тайгу.

Появлению нашему он несказанно рад.

— Диковато зимой живем. В особенности когда ночь. Или пурга. Считайте, что на четыреста километров вокруг нет никого. Зато летом у нас весело. Придут геологи. Наверняка что-нибудь найдут. А там уж настанет очередь строителей...

Последние видения далекого прошлого Путораны, все еще бродившие в моей памяти, бесследно гаснут.

Настоящее — это, казалось бы, мелкая, кропотливейшая работа на земле у приборов, которая незнающему может показаться скучной и однообразной. Зато несравненно более живая работа летом. Весь летний неспящий мир таймырских гор проходит перед тобой. Все климаты проходят перед глазами — от сравнительно теплого лесотундрового до такого холодного, как у Карского моря или в неприютных хребтах Бырранга, которые возвышаются на самом севере. Чего только не увидишь внизу — и прекрасные озера в обрамлении еловых лесов, и колышущиеся заросли ольхи! А выше в горы уже начинается тундра с зябкими островками карликовых берез. А то и только камень, лишайники да немудрящая зелень. Путорана кажется музеем, в котором природа сосредоточила все, чем славен и богат Таймыр.

Мы слушаем рассказы о лете, о тайге, битком набитой комарами и мошкой, о кострах по вечерам, на которых бурлит ароматнейшая уха из хариусов, сига или кунжи — аянских рыб. О том, что в тайге — полно медведей, а в горах — снежных баранов, столь неуловимых для охотников. Медведи отмахиваются от низко летящих вертолетов лапами и скалят зубы. Бараны мгновенно исчезают в каменных ущельях.

Нам хочется поговорить подольше, но выгрузка окончена. Пора взлетать. Выходим из домика, а навстречу нам из леса выскальзывает на лыжах худощавый высокий человек. Это и есть дядя Том, техник-барронаблюдатель Тимофей Шарыпович Сафаров. У пояса его несколько белых куропаток. Здравуемся и тут же прощаемся. Беру на память небольшой черный камень-голыш.

Снова скользит под лыжами синий лед. Плывет под крылом чаша озера, а в ней — крошечный среди гор домик с дымящей трубой. Три человека машут нам.

Когда наш курс ложится на Норильск, ясно-голубые сумерки наполняют мир. И кажется мне, что летим мы вовсе не над Таймыром, а где-то над средней, густо населенной частью Сибири. Близкие и далекие желтые зарева стоят над землей. Это горят огни будущей Хантайской ГЭС, Талнаха, Норильска, огни колхозов. Так мы и летим от зарева к зареву, летим подолгу, обманываясь их близостью. А когда мелькают внизу одинокие крохотные огни, я вспоминаю «хижину дяди Тома» на Аяне и думаю не о мамонтах, не о древних морях и kloкочущих вулканах, сотрясавших некогда Путорану, а о том, что скоро на месте этих вот «хижин» появятся города, что каждый огонек вырастет в большое электрическое зарево.

А. Корытковская

ГОД С ГИББОНАМИ

Нет других обезьян, у которых бы передние конечности были такими длинными, как у гиббонов. Выпрямится гиббон, а его руки все равно до земли достают.

Раньше гиббонов причисляли к человекообразным обезьянам. И действительно, они очень с ними схожи. Но более тщательное изучение гиббонов возвратило их в группу длинноруких обезьян. Ростом гиббоны не выше метра. мех у них либо черный, либо серебристо-серого или желто-соломенного цвета.

При ходьбе гиббоны поднимают руки вверх, а если торопятся, то бегут на четвереньках. На земле они неловки, хотя догнать их очень трудно. На деревьях же — ловки и грациозны. словно стрела, летит гиббон с дерева на дерево, легко совершая двенадцатиметровые прыжки по два-три раза подряд. На лету он ловко меняет направление, цепляясь за первый попавшийся сучок.

На воле увидеть этих обезьян трудно. Гиббоны очень пугливы. Но услышать их всегда можно. Резкие позывные крики обезьян разносятся далеко.

Обычно гиббоны живут небольшими семьями: самец, одна-две самки и молодежь. Каждая семья имеет свою небольшую территорию — обезьяний «дом». Выбирая себе квартиру, гиббоны не гонятся за обширными ее размерами, а ищут деревья, удобные для «столовых» и «спален». Споры из-за дома решаются криками, более слабое семейство отступает. До драк дело почти никогда не доходит.

Климат родных мест гиббонов — Больших Зондских островов и Юго-Восточной Азии — влажный. Им больше вредит сухая жара, чем влажный холод. Они не боятся туманов и ливней. Это и позволило содержать гиббонов в Европе. О том, как чувствовали себя чубатые, или, как у нас их обычно называют, одноцветные, гиббоны на чужбине, и рассказывает автор этой статьи.

С того дня, когда Патци вторглась в нашу квартиру, весь ритм жизни завертелся в угоду черному лесному бесенку, устроившему резиденцию среди подушек на диване.

Свои симпатии обезьянка мгновенно перенесла на детей и жену. Детей она, видно, считала себе равными.

Впервые увидев Вильфреда, она выскочила из подушек, бросилась к сидящему на диване сыну, вытянулась во весь рост, как бы меряясь с ним, и ощупала его лицо ладошками. Контакт был установлен. Патци влезла к мальчику на колени и стала его «причесывать», то есть драть за чуб. Это обычное приветствие маленьких обезьян, кстати, очень болезненное.

Оставаясь одна в комнате, обезьянка чувствовала себя неуверенно и предпочитала лежать на диване. Но стоило кому-нибудь появиться, как Патци тотчас оживала. Она таскала игрушки, бумагу, карандаши, лупу и даже... чернильницу, схватывая вещи молниеносно. Все, что можно было съесть, съедалось немедленно. Большим успехом пользовались марки — клей на их обратной стороне считался у Патци гастрономической редкостью. Удержать гиббона от проказ можно было только громким окликом, а позже стоило укоризненно сказать: «Патци», и она понимала: нельзя. От-

Листая
Брема

тенки голоса гibbonов имеют для человека громадное значение.

Усевшись на спинку кресла и отодвинув портьеру, наша воспитанница созерцала людей, толпившихся у входа в зоопарк. Подобные смотрины она устраивала частенько. Но маленькая проказница не могла сидеть без дела. Невнимания к своей особе она не выносила. Если дочь Барбара прилежно писала, не обращая внимания на кувырки черномазой подруги, Патци шлепалась на руку, водившую перо, и — прощай усердный труд. Барбара плакала, сердилась, а малышка, сама испуганная результатом своего поведения, летела на диван и укладывалась на подушках, задрав лапки вверх, а черные пуговки глаз, казалось, спрашивали: «Ну, что будет дальше?»

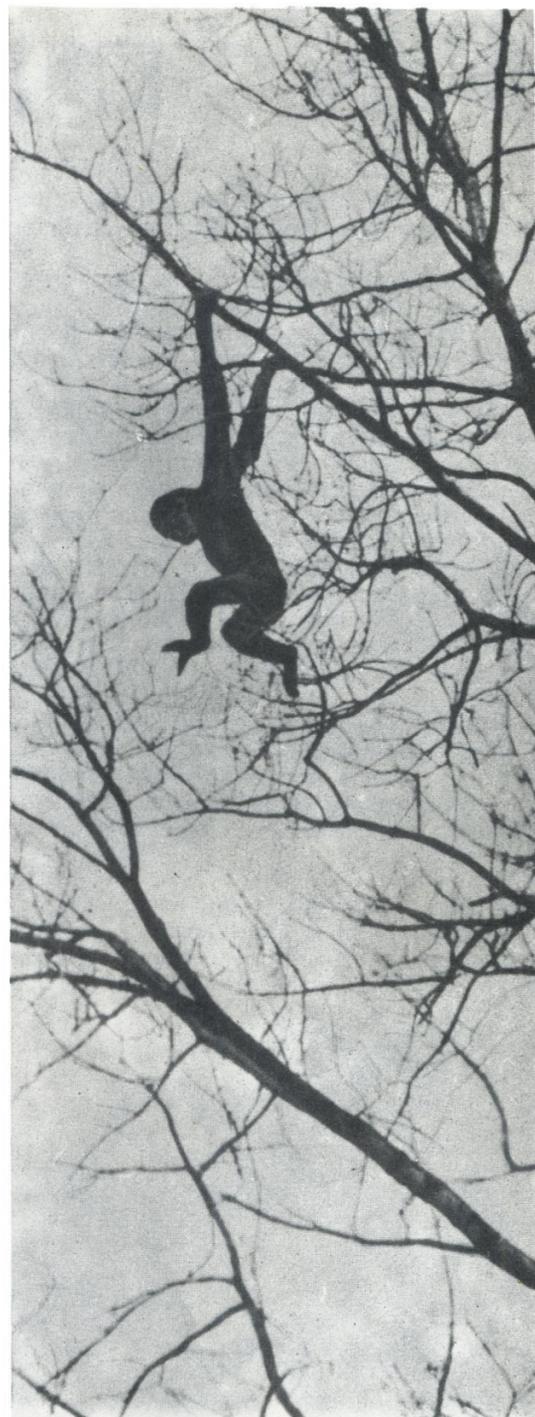
Высокую технику прыжков молодые гibbonы приобретают постепенно. Вначале Патци, прежде чем прыгнуть, несколько раз взмахивала руками, вероятно, на глаз измеряя расстояние. Позже она обходилась без этой примерки. На кафельную печь обезьянка карабкалась, держась за ее выступы и подтягиваясь все выше. Так, вероятно, гibbonы лазают в джунглях по скалам.

Вскоре для Патци была готова квартира. Клетку поместили над печкой, а специальный бамбуковый турник укрепили между кроватью Вильфреда и печкой. В новый дом Патци переселялась вместе с Вильфредом. Она буквально вцепилась в него и тряслась от страха. Прошло больше часа, пока Патци после четырехкратного возвращения на грудь к Вильфреду улеглась, наконец, поверх одеяла.

Зима была очень суровой. Мы топили помещение по два раза в сутки и на ночь даже ставили электрический камин. К отопительным приборам Патци относилась особенно осторожно. Сначала она издали подносила к ним руку. Убедившись в безопасности, пробовала тепло ладонью и тыльной стороной руки. Эта осторожность помогала ей избегать ожогов, чего нельзя сказать о других породах обезьян. Если раскаленный прибор стоял перед клеткой, Патци перепрыгивала его. На остывающем охотно сидела и даже дремала.

Самое большое удовольствие получала обезьянка, когда с крыши клетки прыгала на постель. Была у нее и другая забава: «поищи меня». Патци вскакивала к Барбаре на кровать, а та пряталась под одеяло. Обезьянка прилагала все усилия, чтобы поднять край одеяла и влезть туда. Как только ей удавалось скрыться под одеялом, Барбара пулей вылетала оттуда.

Вначале шерсть нашей любимицы была свальной и тусклой. Но неусыпные заботы и разнообразная пища сделали ее густой и блестящей. Расчесывать шерстку вменялось в обязанность дочери. Обычно

после обеда начиналась процедура туалета. Конечно, Патци прежде всего пыталась поиграть со щеткой. Набесившись вволю, она укладывалась на подушках, готовая удрать каждую минуту, и милостиво разрешала Барбаре расчесывать себя.

С пробкой или мячом Патци затевала необыкновенные игры. То она бросала мяч кверху, то катала его по полу. Или пыталась заткнуть какую-нибудь пробку в са-

мую маленькую щель, чтобы потом в поте лица трудиться — доставать ее.

Клетка была пристанищем и убежищем обезьянки от всех напастей. Однажды к нам пришли в гости знакомые. Как всегда, Патци оказалась центром внимания. Двое малышей сидели в кресле, и Патци захотела порадовать их прыжком, но не рассчитала и провалилась за кресло в темный угол. Обескураженная, она тут же выскочи-

ла и бросилась к спасительной клетке, но, не видя перед собой ничего, кроме множества чужих ног, не найдя дороги, страшно растерялась. Только заметив Вильфреда и прыгнув к нему на грудь, Патци успокоилась.

Как же выглядело наше помещение при таком необычном жилье? Прежде всего надо сказать о внешнем виде тех, кто ухаживает за гibbonами. Обычно Патци молниеносно обрушивается на голову человека, и, естественно, от прически ничего не остается. Обожает она копошиться в волосах своей «симпатии» и часто выдергивает непонравившиеся волоски.

Бегая по комнате, она постепенно уничтожает комнатные растения. Скоро от них остаются только стволы. Еще хорошо, что при легком весе Патци гардины и занавески не очень страдают. Лакированная мебель носит следы зубов и когтей.

Патци — животное тропическое. Ее день длится двенадцать часов. Уже в пять часов вечера она дремлет, а в семь спит глубоким сном. Обычно спит Патци на корточках. Но часто ложится на спину или на бок, поджав ноги и закинув руки далеко за голову.

Как-то после обеда у нашей двери позвонил человек. В маленькой плетеной корзинке он принес гibbonа-самца. Кончилось одиночество Патци. Мы выпустили ее из клетки познакомиться с Морле, который тут же бесцеремонно занял ее квартиру. Нашей барышне не понравилось внимание, которое все оказывали пришельцу, и Патци громко протестовала.

Зная о ссорах гibbonов, мы разделили клетку стенкой, пока животные не привыкнут друг к другу. Но уже в первые часы знакомства обе обезьяны установили контакт. А на следующий день они уже, выскочив из клетки, подняли дружную возню.

Выход на природу состоялся в апреле при безветренной солнечной погоде и температуре +14°С. Самоуверенная в доме, Патци была очень нерешительной в саду. Она поднималась по веревке, привязанной к верхушке дерева, лишь на 2—3 метра, тут же молниеносно соскальзывала и искала спасения у ног Вильфреда. С большим удовольствием Патци играла в прятки на одеяле и с удивительным аппетитом ела свежие стебли одуванчика.

Совершенно иначе вел себя Морле. Он тотчас взобрался на дуб и устроился в гуще ветвей. Акробатические трюки гиб-

До дома еще далеко. Еще не ночь, даже не вечер, но уже не видно дороги. С полудня седая высокая мгла закрыла небо, и через санный след пробежал передо мной быстрый колючий язычок поземки.

Снежный язычок ударился в валенок, отскочил, бросился в сторону и понесся дальше. И тут же появился ветер, низкий, холодный ветер шального февраля. Ветер схватил с сугроба еще и еще снег и понес его за собой, перемешивая, кроша в мелкую, едкую от мороза пыль. Ледяная пыль заваливает, прячет дорогу, но еще можно видеть лес и далеко-далеко впереди деревню.

Но вот ветер сильнее, громче, выше снежная пыль, и уже нет деревни, нет низких мохнатых сосенок у дороги, и только метель застилает, закрывает все вокруг. Метель пока ровная, прямая, она пока лишь метет, она еще не крутит, не обернулась вьюгой, еще можно идти, угадывая впереди верный путь. Но ветер рванулся, кинулся вверх, потом вниз, и густой вихрь уже засвистел, заплясал вокруг человека, и не осталось больше ничего, кроме взбесившейся, душной вьюги.

В такую вьюгу гаснет человеческий голос, теряется путь, надежда добраться к жилью. Дорогу угадываешь с трудом, на ощупь. Иногда хочется сесть и переждать.

Но вот шквал остыл, выдохся, сейчас он сорвется снова, но пока секунда тишины, и в этой короткой тишине дошел до меня близкий, нужный сейчас лай собаки...

Вьюга остается за дверью. Она бесится, злится, бросается за тобой в окно, рвется в трубу, но ты уже дома. Дома тепло и легко от огня, от печи и доброго, ласкового шепота углей... Сейчас самовар, ложечка в стакане креп-

ФЕВРАЛЬ- КРИВЫЕ ДОРОГИ

кого чая, и забываешь, что совсем недавно ты еще где-то шел, искал дорогу.

Ветер стихает к утру. Вьюга совсем потеряла голос, охрипла, опустилась пониже и, разбежавшись в последний раз, уткнулась в забор, оставив на глубоком сугробе узкую полоску свежего снежка.

На стекле широкие морозные лапы и плотный намет вчерашнего снега. И тут же на застывшем стекле засветился теплый солнечный зайчик. Зайчик больше, веселей, ледок сползает с окна, сползает пока еще медленно, но уже видно улицу, забор и первые следы человека к колодцу. Следы трудные, нерешительные. Но скоро по этим следам пойдут еще и еще, и тогда к вечеру будет новая дорога по деревне.

Дорога останется до следующей поземки, до следующей метели и вьюги. Февраль снова заметет эту дорогу. Потом снова будет тихое утро, солнечный зайчик и вот точно такая же веселая желтогрудая синичка за моим окном...

А. ОНЕГОВ

НАРОД О ЗИМЕ

Шумит зимой лес — ожидай оттепели.
Если много инея висит на деревьях — будет много меду.

Дым столбом — к морозу.
Если ночью был иней, днем снег не выпадет.

Если в мороз вода выступит на лед — скоро будет большая оттепель.

Длинные сухие еловые веточки к метели сгибаются, к хорошей погоде распрямляются.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОРОЛЬКА

Редкий подарок сделали моряки теплохода «Короленко» Калининградскому зоопарку. Из далекой Африки привезли они очкового пингвина. Весь черный, даже клюв, хвост и ноги. Лишь манишка белая. Да вокруг каждого глаза белое кольцо: будто он в очках... Пока пернатый пассажир путешествовал, ему успели придумать кличку — Королек.

Получив в порту необычайный подарок, калининградцы немедленно перевезли Королька в зоопарк, предоставив ему самое лучшее жилище — малый бассейн около балтийских тюленей. Первое время с пингвином было трудновато. Королек ни с кем не хотел дружить, отказывался от пищи — видимо, тосковал по родине.

А как можно без еды? Он же погибнет. Вот и приходилось открывать пингвину клюв и класть рыбку на самый корень языка — иначе не будет глотать. Но уже вторую или третью он съедал сам — правда, в клюв все равно ее нужно было положить.

С каждым днем пингвин все больше привыкал к людям. Он стал узнавать сотрудников зоопарка, но еду принимал только от одного человека, который, видимо, больше всех ему нравился. Это был зоотехник Дмитрий Иванович. Пингвин встречал своего приятеля радостным криком и даже крылышки растопыривал. В знак большого доверия он подставлял ему свою голову, чтобы его погладили, а когда зоотехник уходил, Королек смотрел ему вслед, и видно было, что он грустит.

В выходной день Дмитрия Ивановича не было в зоопарке, и никому не удавалось накормить пингвина. Он нападал на каждого приближавшегося к нему служителя, клевался, кусался. В такие дни к нему лучше не подходить. Королек голодал весь день, но пищу ни у кого не брал. Он знал, придет Дмитрий Иванович и накормит его.

Пингвин прожил в зоопарке два года. И вдруг однажды летом пропал. Куда делся? Прошли сутки, вторые, и только на третьи кто-то позвонил и сказал:

— Не ваш ли пингвин во дворе интерната около десятой школы?

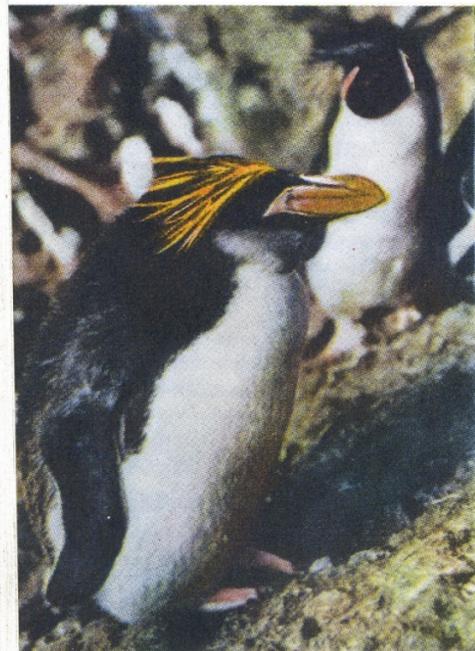
Дмитрий Иванович бросил все дела и помчался в интернат. Шесть километров остались позади, вот и большое здание интерната. Школьники принесли пингвина, хотя им и досталось от Королька: он клевал мальчишек, вырывался из рук, а увидев своего друга, ринулся к нему. Зоотехник взял птицу на руки, пингвин прижался к нему, как ребенок, и успокоился.

Вышел Дмитрий Иванович со своей ношей на улицу, сел в автобус и скорей домой, в зоопарк. Проехали одну-две остановки, и Королек что-то нетерпеливо зашевелился. Посмотрел на него зоотехник, а он клюв раскрыл, еле дышит, задыхается...

Еще одну остановку проскочили — хуже стало. И тогда Дмитрий Иванович вышел из машины, постоял немного на свежем воздухе, и Королек ожил.

Только пингвина выпустили в бассейн, как он миглом нырнул и носился под водой, словно у него в тот день был праздник. Вынырнет и неожиданно бросится к Дмитрию Ивановичу, потом опять в воду. Столько было радости, что и не передать.

Со временем о пингвине узнали многие жители Калининграда. Королек стал известной персоной, и, чтобы на него посмотреть, люди специально приезжали в зоопарк.

Разнообразен пингвиный род. На photographиях вы видите братьев Королька: важных аделей в черных фраках с белой манишкой и золотоволосого пингвина.

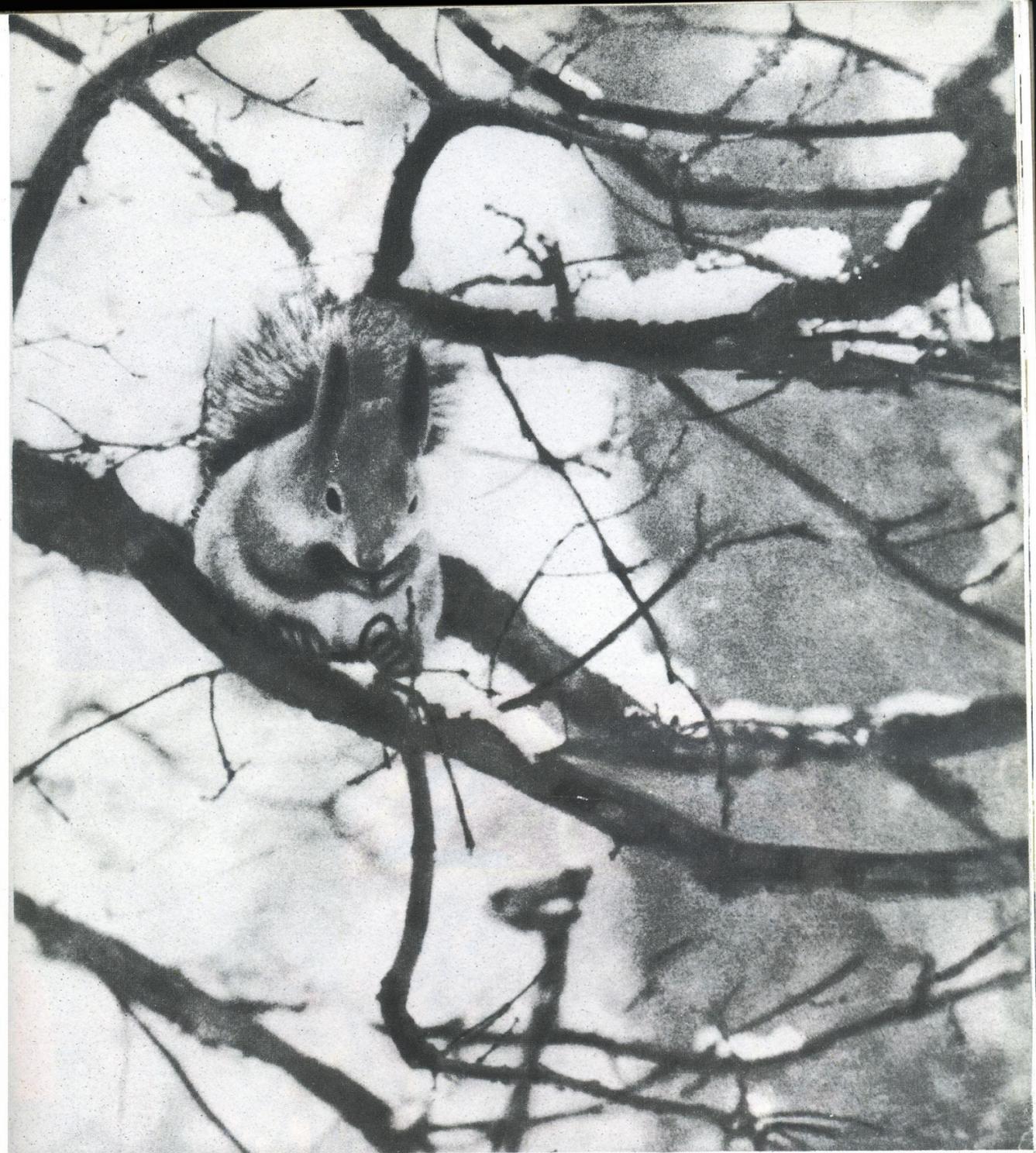
Однажды кто-то из посетителей подошел к барьеру пингвиного бассейна с включенным транзисторным приемником. Звучала какая-то приятная мелодия. Пингвину это настолько понравилось, что он проворно выбрался из воды, можно сказать, прибежал к приемнику и, вытянув голову, с удовольствием слушал. Кто-то попросил владельца приемника перейти на другую сторону бассейна, чтобы посмотреть, что будет делать Королек. И пингвин перебрался на другую сторону, подошел поближе и опять стал слушать музыку. Видимо, приятная музыка и пингвинам по душе.

Жил Королек в зоопарке все лето без происшествий, а к осени снова пропал.

А весной, когда в бассейне растаял лед, Королек нашелся. Он лежал мертвый на дне. Отчего пингвин погиб, первое время никто не знал. Проверили воду в бассейне. Она оказалась отравленной.

У какого лихоедея-посетителя поднялась рука на живое?!

По ночам морозы крепчают так, что трещит кора на деревьях. Но пригреет в полдень солнце — и поползут с елей и берез снеговые шапки, а на южной стороне нет-нет да и появится первая, пока еще робкая сосулька.

Лесным жителям прибавляет февраль хлопот. Смешно смотреть в эту пору на лося. Ходит, склонив голову набок, трется единственным рогом о деревья. Первый уже сбросил, да и второму скоро подойдет очередь. Белка не открывает пока свои кладовые: не все еще семена просыпали сосновые шишки. Где-то под размашистой веткой ели сидит на гнезде первая лесная клуша — желтая самка клеста. Февраль приносит холод и радость. Скоро весна!..

«Я буду ракетчиком»
 Андрей Каляев
 г. Челябинск

«В космосе»
 Надя Девяткина
 г. Углич Ярославской области

«Петухи»
 Надя Бирюкова
 г. Ступино Московской области

«Зима»
 Наташа Юрина
 г. Ступино Московской области

ИЗБУШКА на озере

Анатолий Агальцов

Повесть 1

ГОСТИ

Гостей мы начали принимать с утра. Первой всегда появлялась наша любимица, нежная птичка зоряночка. Стоило открыть окошко, как зоряночка уже сидела над столиком и ласковым голосом вывела: «Тик-тик, тик-тик...» Глупая, она, наверное, думала, что мы еще не проснулись. «Тик-тик, тик-тик», — повторяла птичка, приветливо помахивала хвостиком, любопытно вертела головкой и, как в прошлый раз, кокетливо хвасталась своим рыжим

нагрудничком. Я открывал дверь и встречал солнце. Зоряночка улетала, улетала до следующего утра, будто в ее обязанности только и входило, что разбудить нас своим добрым «тик-тик».

Умываться! Буран неся впереди, опрокидывая на себя весь ночной туман, что осел на листья смородины и малины крупными холодными каплями. На озере первым здороваться приходилось мне: «Фиу-фиу!.. Доброе утро». И с упавшего дерева тут же откликались кулики: «Фиу-фиу! Фиу-фиу! Мы здесь! Мы здесь!»

Продолжение, начало см. в № 1.

Буран не сердился ни на зоряночку, ни на куликов, но дрозды ему определенно не нравились. Крикливые хитрые птицы вечно торчали у избушки. Нет, они не просто слонялись вокруг, не просто трещали на меня с крыши домика и соседних ветвей — у дроздов все было продумано и предусмотрено. Стоило обратить на них излишнее внимание, отвлечься, как вокруг оставленного без присмотра котелка с кашей уже орудовали их собратья. Те дрозды, что брали на себя роль грабителей, таились до поры и только в нужную минуту выскакивали из кустов и быстро-быстро прыгали к добыче. Убегали они не менее поспешно, но без малейшего испуга. Вслед за ними исчезали и крикуны. Минута-две настороженной тишины, и все повторялось сначала; только теперь роли менялись: грабителями становились недавние крикуны, а на крышу забирались пообедавшие птицы. Я узнавал это по клювам тех дроздов, что верещали на меня при повторном набеге; их клювы всегда были испачканы кашей...

Число наших знакомых росло. Рябчики, разбойники дрозды, зоряночка, будившая нас по утрам, синичка, разгуливавшая по избушке, и, конечно, трясогузки.

Трясогузки заявили на второй день нашего новоселья, отважно крутились под ногами и дразнили щенка своим неугомонным «цвик-цвик». Трясогузкам было хорошо рядом с нами: мы выпугивали из травы насекомых, вокруг нас кружились оводы и комары, — птицы кувыркали за ними, а попутно развлекали нас.

Но однажды подружки поссорились чересчур серьезно и разлетелись, поделив наши владения на неравные части. Самая сварливая и злая захватила избушку. Она близко не подпускала подруг, за что и получила от меня прозвище Комендант. Другая, ловкая и быстрая, видимо сообразив, что потерянного не вернешь, первой прекратила попытки выставить Коменданта и кинулась, в свою очередь, захватывать лодку и пристань. Там тоже было неплохо. В лодке оставались разные червячки и улитки, что попадали туда вместе с листьями кувшинок, окунями и плотвой. Вокруг причала летали стрекозы, да и я сам не так уж редко находился у воды, собирая над своей головой наглых оводов.

А третья? Третьей, тихой и печальной трясогузочке, досталась только дорожка от избушки к озеру... Дорожка спускалась среди кустов малины, смородины, через крапиву и тростник. Я редко прохаживался по ней, и трясогузочка больше грустила, чем занималась охотой.

Хозяйства соблюдались строго и верно: ни шагу вперед и назад. Любая попытка перейти границу встречала яростный отпор. По воинственному крику трясогузок я всег-

да угадывал что-нибудь неладное в делах подружек и спешил им на помощь.

Но трясогузки злились только друг на друга да еще на ворон, которые нет-нет да совершали свои горластые набеги. Других пернатых жителей леса мои сварливые друзья просто не замечали. Они «цвикали» на дроздов, и даже черный дятел, что каждое утро выстукивал сухую березу над избушкой, не доставлял им никакого беспокойства.

Я пытался помирить поссорившихся птиц, наказывая невниманием, — тщетно! У них были свои законы, свои собственные охотничьи территории, и мне ничего не оставалось, как почаще прохаживаться по дорожке к озеру, чтобы самая тихая из подружек не очень грустила.

Помирились трясогузки только к осени, когда их детишки уже подросли и сами научились разыскивать пищу.

Был у нас и еще один маленький и тихий друг — бурый крошечный комочек с острым клювиком и смешно вздернутым прямоугольничком хвоста. Острый клювик всегда находил что-нибудь интересное для себя в кустах, на ветках деревьев, а хвостик топорщился еще воинственней при виде опасности. «Трр-тик, трр-тик!» — смешно покрикивал бурый комочек и на всякий случай прятался в куче хвороста. Исчезал он в своем убежище поспешно, как мышонок, но природное любопытство побеждало, и птичка крапивник тут же высовывалась с другой стороны хвороста, чтобы еще раз убедиться: напугало ли ее действительно что-нибудь или нет.

Крошечный суетливый крапивник опережал всех моих соседей, когда требовалось оповестить лес о возможной неприятности. Только вот беда, голосок его был слишком слаб... Но главное — начать. «Трр-тик, трр-тик!» — и тут же трясогузки подхватывали сигнал тревоги и с грозным «цвик-цвик» бросались на врага, забыв на время военных действий свои ссоры и обиды. И надо отдать им должное — враг частенько отступал перед мужеством и стройностью рядов отважных защитников.

Не отступали только вороны, да и то в том случае, когда численное превосходство оказывалось на их стороне. Тогда мои пернатые друзья поспешно скрывались в кустах и понуро переживали нашествие облезлых варваров. Последнее слово здесь оставалось за мной. Я брал палку и под

громкий лай Бурана прогонял ворон. Надо было видеть, как вслед за моим «ура» пернатое государство оживало, раздавались воинственные голоса, и непрошенные гости убирались восвояси.

К избушке мы возвращались опьяненные победой, и больше всех, конечно, радовался отважный крапивник, который за все время военных действий так и не покинул своего убежища.

ДОМАШНИЙ МЕДВЕДЬ

Наверное, наш сторож, птичка крапивник, предупредил лесных жителей об опасности и в этот раз. Пожалуй, мужественные трясогузки так же дружно обороняли избушку. Но о непрошенном госте я узнал только от Бурана. Буран лалял громко и зло. Лай щенка подхватило эхо и принесло ко мне в другой конец озера.

Лодка поспешно развернулась и понеслась домой... У избушки стоял медведь. Он медленно и старательно ворошил землю у самой двери. Рыхлая почва недолго задерживалась на медвежьей лапе, сыпалась обратно. Мой гость старался подхватить упавшие комочки перегной снова, но снова у него ничего не получалось. Медведь сердито зафыркал, низко опустил голову и высунул язык. Язык был липким, работало им веселее, и медведь принялся тщательно вылизывать землю. Я смотрел на это большое, серьезное животное, видел его перепачканный нос, деловитый язык и с трудом удерживался от смеха — медведь вылизывал землю как раз там, куда сегодня утром я слил с разварившейся вермишели лишнюю воду...

Буран сидел под избушкой. Лохматая медвежья лапа орудовала рядом с его носом и загораживала моему маленькому другу путь к побегу. Ямка под избушкой была неглубокой, щенок не мог спрятаться туда совсем, и теперь из темной дыры высовывалась его испуганная мордочка и изредка показывалось вслед за ней прижатое от страха ухо. Но Буран все-таки лалял. Медведь же не обращал на вопли щенка никакого внимания, будто это было настолько обычным явлением, словно комары в тайге.

Пожалуй, только комары и помешали нам в этот раз познакомиться поближе. Кровапийцы облепили мое лицо, руки. Я не мог дальше терпеть их, поднялся из кустов, медведь услышал, узнал во мне хозяина избушки и отступил. Щенок выполз из своего убежища и еще долго попискивал вслед незваному гостю.

Гость действительно был незваным, но посещал нас не впервые. От прежних визитов на двери нашего домика остались сле-

ды его далеко недетских когтей. Медведь пытался заглянуть внутрь, но безуспешно. Что-то понравилось ему у нас, он не забывал избушку, и сегодняшнее появление хозяина тайги заставило меня задуматься о следующей встрече.

Медведей я уже немного знал. В прошлом году сам наносил визиты в медвежье государство и был любезно принят его хозяевами. После тех встреч у меня сложилось приятное впечатление об умных и добродушных животных, которые не очень побаивались человека, но и не желали ему зла. В этом году медвежьи походы повторились. В них с успехом участвовал и Буран. Мы навещали прежних знакомых, здоровались с ними и не очень навязывались тем, кто успел забыть прошлогоднюю дружбу. Вылазки в медвежье государство проходили мирно, но далеко от нашего домика, а поэтому надеяться увидеть медведя у нас в гостях я, конечно, не мог.

Все крупные животные казались мне более осторожными и менее доверчивыми. Правда, иногда около избушки появлялись следы росомахи, но следы были вороватыми и пугливыми. Росомаха, пожалуй, думала только об одном — как бы что-нибудь украсть у нас. Она нагло забиралась на крышу избушки, пыталась разобрать ее. Крыша не поддавалась, и тогда вредный зверь принялся устраивать подкоп. В избушку росомахе попасть так и не удалось, но под домиком осталась от нее та самая нора, в которую и прятался Буран при появлении медведя.

Догадки об осторожности крупных животных подтверждал наш лось. Он верил мне только там, на озере, но мимо избушки по-прежнему пробирался только ночью и никогда не задерживался на своей тропе при виде человека.

Медведь же опрокинул все мои догадки. Он пришел снова и снова отыскивал дверь. Теперь я начинал беспокоиться за щенка. А вдруг медведю надоест его скулеж? Что тогда?.. И песик начал каждый день отправляться со мной на рыбную ловлю. Но Буран мешал. Он прыгал через удочки, раскачивал лодку и в самый неподходящий момент вдруг загорался желанием лизнуть меня в нос. А медведь все смелее и смелее вел себя.

Иногда, подходя к избушке поздно вечером, я ловил себя на осторожной мысли. А не привык ли этот медведь совсем к нашему домику? Не придумал ли он еще оставаться ночевать около порога? А если случайно наступлю на него? Что тогда?.. Этих «что тогда?» набралось уже много, а наш угрюмый гость по-прежнему бродил вокруг, подбирая оставленную ему рыбу, уже не в шутку интересовался лодкой, лопатой, топором и недовольно ворчал из

кустов, когда я «забывал» уезжать на озеро. Но подойти поближе и честно объяснить медведю упорно отказывался.

Сварливый характер мохнатого упрянца не мог забавлять меня. В голову приходили разные шутки, которые другие медведи выкидывали с охотниками и рыбаками. Я слышал, как медведь воровал из лодки рыбу, воровал вместе с кошелкой, знал, что медведь умел отталкивать от берега лодки, запутывать сети и даже рвать их. У меня не было сетей, но лодку я затаскивал все дальше и дальше на берег и каждый вечер забирал из нее снасть. Походное имущество у нес в избушку, плотно закрывал дверь, долго выслушивал ночную тишину и только потом укладывался спать. Во сне я мог надеяться лишь на щенка. Пожалуй, он успел бы предупредить меня, если непоседливому медведю вдруг взбредет на ум выкинуть с нами слишком злую шутку. Но по ночам я просыпался от неясной тревоги, зажигал свечку и с огорчением узнавал, что мой Буран никогда не оповестит об опасности. Он так уставал за день медвежьей осады, что теперь около меня, в теплом домике забывал все на свете и крепко спал.

А медвежья осада продолжалась. Теперь мне изредка удавалось увидеть нашего «сторожа». В шутку я называл его смешными именами и всякий раз, уходя из леса за письмами и мукой, немного надеялся, что опасный сосед покинет нас. Но медведь не исчезал, а мое возвращение в лес воспринимал как великую радость. Видя его, смешно семенящего впереди по тропке, слыша его довольное пофыркивание в кустах у двери, за которой распаковывался только что принесенный рюкзак, я приятно узнавал для себя, что наш домашний медведь еще даже не медведь, а только большой медвежонок, любопытный и нетерпеливый, как все дети. Наверное, только этой весной он сбежал от своей мамы и отправился в самостоятельную дорогу.

Это открытие подсказало мне план дальнейших действий. Путешествуя по озеру, я изредка встречал солидную медведицу и двух маленьких медвежат. Малыши родились в этом году, еще не отличались достаточной сообразительностью и по всем медвежьим законам обязаны были иметь няньку-пестуна. В пестунах всегда ходил старший братишка, которому и поручалась забота о детском саде. Но у этих малышек няньки-пестуна не было. А не отправить ли нашего домашнего медведя в няньки?

План разрабатывался тщательно и долго, и, наконец, был выбран день, когда наш беспокойный друг предстанет перед родственниками с единственной просьбой: разрешить ухаживать за малышами.

Поймать медведя, посадить в лодку и доставить под конвоем не представлялось возможным. От такой меры меня удерживали недостаточно близкое знакомство и солидные размеры осужденного на изгнание. Путь был другой... До вечера я усердно ловил плотву и окуней, а на следующий день с утра отправился пешком в сторону владений медвежьего семейства. Время от времени я нагибался и оставлял на тропе рыбешку. Десять-двенадцать шагов — рыбешка, еще два десятка шагов — и снова рыбешка.

Буран оставался дома под замком, а лодка в надежде на благополучный исход ожи-

дала меня примерно там, где начинался «дом» медведицы и где мои рыбные запасы должны истощиться. Медведь плелся сзади и похрустывал рыбешкой. Я уходил быстрее и реже оставлял лакомство. На тропе попались первые следы медвежьего семейства.

Я плыл обратно и счастливо слушал голосок медведицы-мамаши. Сейчас она увидит нашего сладкоежку, наверное, немного поругает за длительное отсутствие, потом все простит и поведет за собой.

Лодка подплывала к пристани, я зачерпнул ладонью прохладную утреннюю воду и с легким сердцем последний раз опустил весло в озеро. Все. Все в порядке. Но у дверей избушки как ни в чем не бывало стоял наш домашний медведь.

ГАГАРЕНОК И ЧЕРТУШКА

Рано утром на озере застонали гагары. Когда в тайге все спокойно, когда нет ястреба, не приближается буря и никто не стреляет из ружья, гагары молчат. На тихой воде далеко видно больших серых птиц. Птицы плывут медленно, внимательно выглядывая в воде рыбок, и часто кажутся неподвижными. Иногда гагары подплывали

и к нашей избушке, подплывали по вечерам, перед закатом солнца, и если узнавали на завтра хороший день, то громко и радостно возвещали об этом: «Ку-ку-вы, ку-ку-вы!.. Завтра солнце... Завтра не будет дождя и грома... Ку-ку-вы, ку-ку-вы!» — звонко летело над тайгой.

По голосу этих птиц и по цвету закатных облаков я узнавал погоду на следующий день.

Гагары не боялись меня и никогда не стонали при моем приближении. Нет в лесу более жуткого и тоскливого голоса, чем стон гагары, узнавшей беду или приближение ненастья. Первый раз услышав стон птиц, я немного испугался и подумал, что это кричит человек, попавший в беду. «А-а-а-а...» — кто-то страшно и безна-

дежно звал на помощь все живое и честное. Я поплыл к месту трагедии и увидел больших серых птиц — над ними кружился ястреб. И сегодня утром стон гагар тоже позвал на помощь.

Лодочка легко и смело летела через волны и ветер. Ветер стих за поворотом, осталась сзади волна, и на тихой воде беспокойно кружились две напуганные чем-то гагары. Ястреба над ними не было. Не было рядом и птенцов. Я прижался к берегу

и замер... Птицы успокоились, а с коряги прыгнул на воду прятавшийся там гагаренок, и тут же другой. Все в порядке. Семейство цело. Враг не успел принести беду.

А был ли враг? Может, гагары просто узнали дурную погоду и предупредили меня об этом? Нет. Солнце появилось так же ласково и добро, так же счастливо улыбалось до вечера и, немного извиняясь за вынужденное исчезновение, устало поплыло вниз к елкам. Утром оно появилось легким и отдохнувшим, но гагары снова стонали, стонали там же, за поворотом озера; и я опять, как вчера, спрятался в лодке под берегом.

Птицы продолжали беспокоиться, что-то отыскивая вокруг и не находя. Рядом с родителями крутился только один птенец. Где второй? Семейство покинуло опасное место, а моя лодочка осталась ждать.

Гагары успокоились, вскоре вернулись и по-прежнему занялись рыбной ловлей. Малыш особенно не надоедал родителям, крутился в стороне и тоже что-то выискивал в озере. А где же второй? Кто похитил его? Кто совершил убийство?

И, будто отвечая сразу на все мои вопросы, из-под черной коряги метнулась к пушистому гагаренку быстрая неясная тень.

Все произошло мгновенно. Хищник промахнулся, исчез в глубине, оставив за собой широкий плеск громадного хвоста, и тут же бросились в стороны и тревожно закричали родители малыша. А крохотный гагаренок уже сидел в моей лодке.

Назад малыш не торопился. Незнакомое существо не делало ему зла, в моих движениях не было ничего отпугивающего, лодка не прыгала, не качалась, и счастливый пассажир преспокойно поглядывал на окружающий мир из своего надежного убежища. Взрослые птицы плавали рядом и так же стонали. Казалось, даже тревога родителей не слишком беспокоила птенца — «в конце концов нечего плакать, когда мне не так уж плохо», — и путешествие продолжалось. Поворот, еще поворот — мы

уплывали, а плач гагар становился все трагичнее.

Наконец сердце маленького эгоиста дрогнуло, он высунулся из лодки, подпрыгнул и очутился на самом носу суденышка. Еще прыжок — и вот он быстро-быстро понесся по воде, торопливо шлепая лапками и тархтя крылышками.

Сколько раз я видел, как животные искали спасения у человека, и всегда был рад оказать им посильную помощь. Мне приходилось спасать диких утят от ястреба, приходилось защищать воробьев, новорожденных лосят и даже серебристых плотвичек, которых на моем озере называли сорожками. Сорожки искали спасения около моей лодки от хищных щук. Кто же сейчас был тем хищником, что посмел обидеть доверчивого гагаренка? Кто он? Не он ли утащил другого птенца?

Старый и мудрый рыбак рассказал однажды, что в моем озере живет страшное и вредное существо — чертушка. Чертушка рвал сети, опрокидывал лодки, откусывал блесны, которыми пытались обмануть его, но ни разу не показывался на глаза. Он жил в воде под черной корягой, как раз там, где сегодня стонали гагары. Чертушка подолгу прятался и выбирался оттуда лишь тогда, когда точно был уверен, что очередная жертва у него в зубах.

Я перехитрил хищника тогда, когда совсем не ожидал встретиться с ним. Он, наверное, был еще и жаден. Чертушка просто схватил маленького окуня, насаженного на крючок, а крючок просто не отпустил хищника.

К лодке поднялось темное, тяжелое, но живое «бревно». «Бревно» всплывало медленно, иногда останавливалось и подолгу не шевелилось. «Бревно» качнуло лодку, отошло в сторону, постояло у поверхности ровно столько, чтобы не дать мне ничего как следует сообразить, и снова утонуло.

Было темно и неприятно на черной ночной воде, неприятно оттого, что лодку все больше и больше заливало водой, неприятно от лески, которая резала пальцы, и от холодных брызг на лице. А чертушка то снова тонул, то всплывал, то опять тянул за собой лодку. Качалось озеро, качались ночные ели на берегу, качались уже совсем рядом, а чертушка все тащил меня за собой под корягу...

К избушке я возвращался совсем в темноте. По пути слышал тревожные крики гагар, слышал беспокойные голоса куликов и тоскливый плач Бурана, который первый раз за свою отважную жизнь остался один в ночном лесу.

Лодка шла спокойно, но тяжело от черной воды, что осталась в ней после встречи с чертушкой. На ходу я выплескивал эту воду и, не веря еще в победу, нет-нет да ощупывал широченный хвост наказанного разбойника.

Дома я внимательно осмотрел кровожадного хищника и еще раз убедился, что чертушкой была всего-навсего громадная зеленая щука.

БРОДЯЖКА

Днем развлечений мне хватало и без Бурана, но вечером в избушке, когда в печке догорали дрова, а в котелке остывал чай, без щенка, наверное, было бы не так весело. Я обнимал Бурана за шею, ласково трепал его уши и тихо рассказывал своему другу очередную дневную историю, в которой щенок почему-либо не принимал участия.

Внимание Бурана к моим рассказам я покупал сахаром. Вкусные кусочки раскладывались на столике, преподносились щенку не все сразу. Буран внимательно ожидал следующую порцию лакомства и не очень мешал мне вспоминать события дня.

При всех положительных качествах у моего четвероногого друга была одна странная и далеко не спокойная для меня черта характера. Она досталась ему, видимо, от родителей, собак смелых и быстрых. Буран страдал чрезмерной самостоятельностью. Эту самостоятельность в разговорах с щенком я попросту называл страстью к бродяжничеству.

Когда и куда отправится странствовать

щенок, я частенько не мог угадать. Порой его путешествия затягивались слишком долго, и тогда я успевал вернуться домой раньше Бурана. Я затаскивал лодку, осматривал домик, тропку, пытался узнать, куда скрылся мой чертенок, и, немного поразмыслив, отправлялся на поиски заблудшего гуляки.

Но однажды поиски маленького бродяжки затянулись...

Цели самостоятельных путешествий щенка долго оставались для меня нераскрытыми. Но тайна обнаружилась и вскоре не замедлила подтвердиться еще и еще раз — Буран отправлялся в лес искать себе друзей... То ли от скуки, то ли в силу необыкновенной общительности щенок не мог жить без товарищей.

В начале своих походов все живое, что удавалось обнаружить, щенок тащил домой. Я не в шутку побаивался, что с возрастом детская забава может перейти в мародерство, и несколько раз примерно объяснил Бурану, что подобные занятия желательно прекратить. Щенок все понял, и наш дом, наконец, был избавлен от трясущихся в страхе птенцов и бесчисленного множества лягушек. Живность таскать домой Буран прекратил, но прежние занятия не оставил и теперь перенес их непосредственно к местам обитания своих друзей.

Неужели и сейчас это противное создание отыскало какого-то другого жителя тайги и тешится около него? Я злился, готовил Бурану словесную взбучку, но лодка плыла все дальше, и моя злость постепенно сменилась на обиду. «Как же ты мог, противный пес, изменить мне?..» За следующим поворотом озера исчезла и обида, и для щенка остались только ласковые слова: «Бурочка, дурной, куда же ты пропал?» Возможно, я что-то говорил и вслух, но Буран по-прежнему не откликался. Не откликался он долго, и тревожное беспокойство окружило меня со всех сторон. Оставалось одно — громко закричать: «Буран, где же ты?»

Наконец на берегу дальнего залива я рассмотрел крошечный белый комочек. Комочек приближался с каждым ударом весла и уже начинал немного подпрыгивать. Конечно, Буран! Но Буран не реагировал на мое приближение, был увлечен чем-то другим и, видимо, более интересным, чем его старший друг, вконец уставший от поисков. Хвост щенка радостно вертелся, но не в мою сторону. Что это? Медвежата!

Два небольших медвежонка, ростом с щенка, жались к кустам. Лодка летела к берегу. Только бы успеть, только бы не заявила медведица!.. Только бы не опоздать!..

Буран уже видел медведей. Уже привык не бояться нашего домашнего медвежонка,

видел и взрослых, настоящих хозяев тайги и даже осмеливался иногда потявкать в их сторону. Серьезных животных, всегда занятых своими мудрыми лесными мыслями, как правило, не очень беспокоило редкое попискивание собачки. Но сейчас я не мог надеяться на благополучный исход. А вдруг мать-медведица не разберет, не догадается, что Буран тоже ребенок, и бросится защищать своих детей? Скорей, скорей! «Буран! Буран! Ко мне!»

Щенок повернул в мою сторону недовольный нос, ошетинился и первый раз за свою жизнь по-настоящему рявкнул на своего хозяина. «Ко мне, Буран! Ко мне!» Щенок хрипел, как настоящий взрослый пес, и скалил зубы. А медвежата, дурные, пугливые медвежата, которые только что недоверчиво косились на щенка, спрятались за его «могучую» спину... Опасность! Приближается опасность! Щенок защищал их от опасности, и новому знакомому сейчас можно было поверить.

Но опасность надвигалась с другой стороны. Из соседних кустов раздалось недовольное фырканье, за ним грозный рык, и сердитая медведица показалась на берегу.

В глупейшем положении оказался теперь я. На меня хрипел мой же несовершеннолетний товарищ, а в десяти метрах от лодки недобро рычала медведица. Медведица, кажется, совсем не шутила... Все

решали секунды. Берег, плеск воды под сапогами, рука на шее щенка, рев медведицы, и лодка уже неслась к середине озера. А в лодке визжал и кусался Буран.

Свою миску щенок получил, но разговаривать с ним я категорически отказался. Маленький бродяжка хладнокровно уничтожил содержимое миски, сбежал недалеко в лес по самым неотложным делам, вернулся в избушку и преспокойно уснул у теплой печки.

А назавтра я снова отыскал его рядом с медвежатами и опять услышал рык медведицы. Этот рык, как и вчера, донесся из кустов только тогда, когда к берегу подлетела моя лодочка. Что это? Неужели медведица разбиралась, что щенок всего-навсего щенок, не менее и не более дурной, чем ее собственные дети?

На этот вопрос я не могу ответить точно даже сейчас. Мне было ясно только одно: медвежата не очень боялись щенка ни в первый, ни во второй раз, ни много позже. А Буран всегда целым и невредимым возвращался в избушку в моей лодке. И это все, что я знал...

(Окончание следует)

О, еще секунда — и я непременно остался бы за страницами нашего Клуба. Явление позорное, особенно для такого точного человека, как ваш старый друг барон Мюнхгаузен. Легко догадаться: вы предполагаете, что меня могла задержать за-

стрявшая в сугробе карета или конь, споткнувшийся о купол церкви, утонувшей в снегу.

Случись со мной нечто подобное, я теперь уж незамедлительно пересел бы в ракету или в крайнем случае воспользовался старым, испытанным мною способом передвижения: верхом на ядре, выпущенном из пушки.

Прошу прощения, друзья мои, я, кажется, от волнения забыл поприветствовать вас. Здравствуйте. И прошу полнейшего внимания!

Все дело в том, что я раздобыл для вас кое-что небывалое, как и подобает барону Мюнхгаузену. Не правда ли? Сейчас вы узнаете, как получить не что иное, как «пищу богов».

Так вот: если вы до сих пор считаете, что хурма растет только в Грузии и Крыму, вы глубоко ошибаетесь. Да, да, мало того, что вы об этом подробно узнаете, но еще и сможете попытаться вырастить субтропический плод. Правда, тех, у кого зимой морозы больше 25°, к глубокому сожалению, должен огорчить: там хурма не

вырастет. Для остальных совет гостя нашего Клуба научного сотрудника отдела субтропических и орехоплодных культур Государственного Никитского ботанического сада А. К. Пасенкова вполне подходит.

ПОПРОБУЙ ВЫРАСТИ!

Восточная хурма — самая морозостойчивая из всех субтропических плодовых культур. И довольно просто можно заняться селекцией ее новых сортов в Крыму, Молдавии, Краснодарском крае, Одесской области, в республиках Средней Азии... Одним словом, природные условия для этой работы должны быть такие: во-первых, зимы с морозами не ниже -25° . Во-вторых, обилие влаги с мая по сентябрь или хороший полив с декабря по март. В-третьих, рыхление приствольных кругов и засыпка их опилками на 10—15 сантиметров.

А теперь слушайте, как же выращивать хурму из семян. Зимой их следует немедленно положить во влажный торф или влажный чистый речной песок и держать до посева при температуре $+3 - +5^{\circ}$.

Высаживать семена в грунт надо, когда почва прогреется до $+10 - +12^{\circ}$. Семя укладывайте рубчиком вниз на глубину 3—4 сантиметра.

Сразу же после посева его полейте и засыпьте опилками или перегноем слоем в 2—3 сантиметра. Семена можно высеять сразу на постоянное место, размещайте их не ближе 2×2 метра, а еще лучше — 3×5 . Через год-два оставьте самый крепкий сеянец, остальные удалите. Понятно, что не все растения дадут хорошие по качеству плоды и примерно половина выбракуется.

Уход за хурмой такой же, как и за всеми плодовыми деревьями: прополка, рыхление почвы, полив, подкормка перегноем и минеральными удобрениями.

Наиболее подходящие сорта для размножения: Хачия, Хиануже, XX век, Фуйю, Тгуру-но-ко.

Смена можно выписать из Батумского, Сухумского и Никитского ботанических садов, Сочинской опытной станции субтропических культур, Азербайджанской, Денауской опытных станций и других мест, где выращивают «пищу богов», как называл хурму знаменитый ботаник Линней.

Уверен, многие из вас готовы безотлагательно отправить срочные депеши в поисках семян хурмы. Терпение, друзья мои, терпение. Заседание Клуба продолжается.

Взгляните на этот снимок и ответьте: кто хозяйничал под елкой, кто накидал шишек? А заодно хочу напомнить вам: мы ждем ваших снимков на выставку «Зоркий глаз».

Нет, я не могу скрыть от вас еще одну удивительную загадку. И тоже, представьте, лесную. Ее загадает наш гость В. Н. Мокоржицкий.

ПАДАЮЩАЯ РОЩА

Есть под Киевом кленовая роща. Не простая, а удивительная. Взгляните на снимок. И вы сами в этом убедитесь. Стволы и ветки старых кленов нагнулись и вытянулись в одну сторону зелеными сводами. Какая сказочная сила изогнула мощные стволы деревьев и придала им причудливые формы? Неужели это ветер так изменил всю кленовую рощу?

Не похоже. Роща защищена от ветров всех направлений. Что же тогда все-таки заставило клены так причудливо изогнуться? Это редкое явление изучали ученые. Оказалось, что большинство деревьев в зависимости от их породы проявляет определенную склонность к наклону ствола и ветвей в какую-либо одну определенную сторону горизонта.

Ученые установили, что деревья поэтому могут служить живыми компасами, указывая наклоном ветвей и ствола направление стран света. Так, например, все клены в «падающей» роще наклонились в юго-восточном направлении. Большинство тополей — в северо-восточном. Груши наклоняются чаще всего в юго-западном направлении, а яблони предпочитают юго-восточное.

Если и вам доведется увидеть рощу или группу деревьев, наклоненную в одну сторону, то определите по компасу направление их наклона, породу деревьев и напишите о своих наблюдениях.

Верьте мне, я отчаянно завидую вам. В лесу на каждом шагу подстерегают вас загадки и самые неожиданные диковины. Надо лишь смотреть вокруг зорко. Я помню, как однажды по следу лисы безошибочно угадал, что она только что сытно пообедала.

Поскольку я так же точно догадываюсь, что на многих лицах появились недоверчивые улыбки, я уступаю место кандидату биологических наук А. П. Лесняку, и вы спустя несколько минут еще раз убедитесь в том, что барон Мюнхгаузен всегда говорит лишь чистейшую правду.

СНЕЖНЫЙ ПРОТОКОЛ

Звери и птицы не учатся грамоте. Уши, глаза и нос — вот что помогает им читать степную и лесную книги.

Летам нелегко узнать тайны жизни животных, зато зимой... Любой поступок — хороший ли плохой — с протокольной точностью запишут ноги зверя или птицы на снегу.

Вот бежал заяц, а рядом шныряли домовые мыши (рис. 1). Хотя мышка чуть задела хвостом снег — все равно осталась черточка. Сколько здесь прошло мышей? Четыре (одна дорожка двойная). Пройдем по следу, и станет ясно, что они делали, куда бежал заяц, что он грыз.

И нужно же, тут как тут, рядом с мышиной цепочкой появились наброды сорок (рис. 2). Видимо, длиннохвостая сплетница сидела на верхушке березы, высматривая, кто окажется первым на снежной тетрадке. Глаз у сороки острый, увидела мышей — и к ним. Мышки тоже осторожны: юрк под снег — и были таковы. Долго бродила сорока, но безуспешно.

Вот на опушке леса вытянулись в длинную дорожку четверки. Присмотритесь! Оказывается, это галопом пробежала собака (рис. 3). У лисы, корсака, шакала и волка дорожка следов вытянута в одну ленточку. Строчка ровная, особенно когда зверь «прямет» в логово. Если он петляет, ищет добычу, дорожка бывает и зигзагами: то к старому пню, то к поваленному дереву, то через бурелом. На снегу видны все метки, где зверь останавливался, чтобы расписаться, кто он, каков его нрав. Понюхает это место следующий хищник и тут же хвост подожмет или же загревок вздыбит.

Рис. 1.

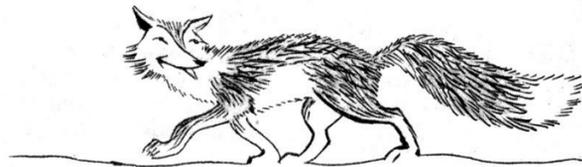

Рис. 3.

Рис. 4.

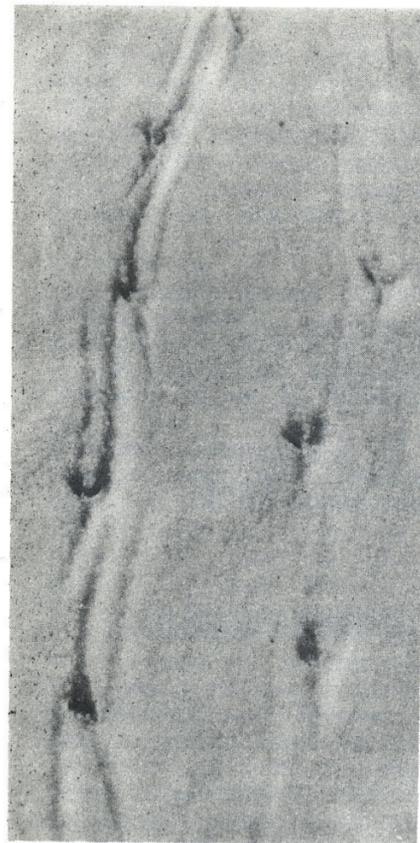
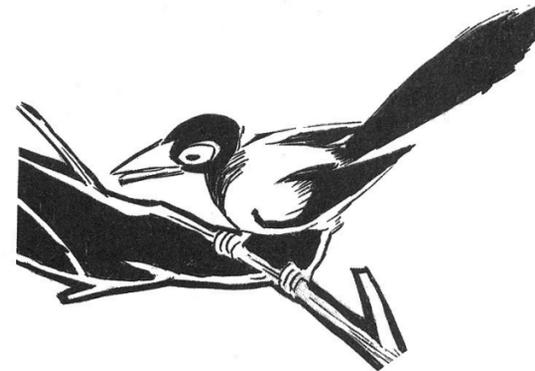

Рис. 2.

Рис. 5.

Среди кустиков на полянке тянется ленточка лисьего следа (рис. 4). Лиса шла сытая, на следу видны прочерки ног, причем Поволоки почти нет, а вот выволока большая. Кумушка, хорошо пообедав, не спеша возвращалась в свою нору на отдых. Так и есть, в километре от лесной поляны след привел к месту, где рыжуха пообедала фазаном. По перьям видно — жертвой стала фазанка. Видимо, птица немного замешкалась, тут ее лиса и накрыла.

На обратном пути, когда мы подходили к деревне, заметили, что через огороды тянется свежая дорожка «двоек» и «троек» хорька (рис. 5). Увидишь такой след — не перепутаешь ни с лисьим, ни с собачьим. Хорек двигался прыжками. В ямки от передних лапок ставил задние. Иногда вместо двоянного отпечатка оставалась на следу «тройка», хорошо видны три ямки от лапок.

В неглубокой ямке под тонкой коркой льда в илистом грунте окоченели лягушки. Через ледок вороны «пронюхали» место спячки лягушек и устроили пир.

Легко подсчитать всех обитателей, расписавшихся ночью или днем на снегу. Опытный следопыт приложит ладонь к снегу, пощупает пальцами стенки следа, ямку в снегу, присмотрится к структуре снега и скажет, какой давности след, как будет выглядеть следовая ямка завтра.

Снежные страницы хранят записи до следующей пороши, до первой поземки. Когда снег мягкий, пушистый, отпечатки лап зверей и птиц остаются четкими. Видно не только подушечки пальцев и пятку, отпечатываются даже волоски и мелкие мозоли на ступне у мышей. Задача следопыта простая, если след четкий. Нужно сосчитать количество пальцев в отпечатке, посмотреть, есть ли следы — царапинки от когтей, какой формы пятка, есть ли ступня, как поставлены ямки от передней и задней ног зверя, то ли друг в друга, то ли перенос или недонос, то ли они перекрывают одна другую частично. Все это очень важно для определения того, кому принадлежит след.

Читая следы-отпечатки, нужно смот-

реть и на другие следы деятельности зверей и птиц. Царапины, помет, погадки, остатки пищи, места купания в снегу или в пыли, лежки, ночевки, запасы пищи — все это лучше любой книги расскажет о ваших лесных соседях.

Следы подскажут, пора ли идти на помощь к друзьям. По следам не трудно сказать, сколько вокруг вас животных и какие они.

Попытайтесь это сделать сами.

Прежде чем вы услышите ответы на вопросы Почемучек, заданные в январе, я позволю себе сказать несколько слов о ваших сообщениях. Они меня, я не боюсь этого слова, восхищают. И я предложил нашему жюри: пусть ни одно заседание нашего Клуба не пройдет без выступления самих Почемучек. Жюри приняло мое предложение. Первое слово Валерию Самсонову из деревни П. Чернец Новгородской области.

ПТИЧИЙ „ЛИФТ“

Маленькая овсянка свила гнездо на мягкой подстилке в лесу. Она отложила в него четыре яичка и стала насиживать их. Тут бы жить да жить. Но совсем рядом устроился гриб подосиновик. Рос он, а я его ножом подрезал и положил в корзинку (тут я и заметил гнездо). А грибница подосиновика осталась в земле. Прошел дождь, и появился новый гриб от старой грибницы. И удивительно то, что он стал расти прямо под гнездом овсянки. Гриб рос, рос, рос и медленно поднимал своей красной крапчатой шляпкой гнездо. За сутки оно поднялось на пять сантиметров, а за вторые еще на шесть. И так овсянка ехала на «лифте» трое суток. Как раз

в это время у овсянки вылупились беспомощные птенцы. Я испугался за них. Что, если гриб еще вырастет и под такой тяжестью рухнет? Птенцы-то могут вывалиться. Когда гриб вытянулся до 15 сантиметров, я не утерпел. Держа гнездо одной рукой, подрезал гриб и опустил гнездо на прежнее место. Так птенцы катались на «лифте».

Наконец настало время открыть тайны январских загадок. Должен сказать новым членам нашего Клуба: ни один из вопросов не остается неотвеченным.

Напомню первый: о китах-самоубийцах.

Отвечает С. К. Клумов, старший научный сотрудник Института океанологии Академии наук СССР.

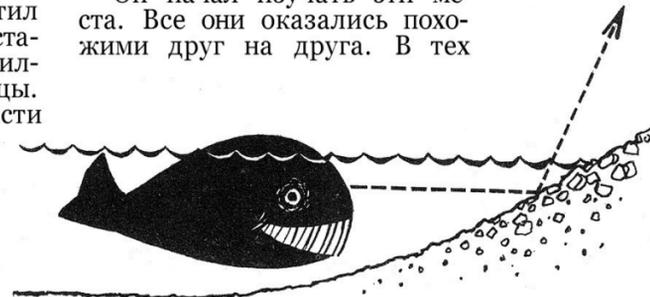
КИТЫ-САМОУБИЙЦЫ

Еще несколько лет назад никому не было понятно, почему киты и дельфины выбрасываются на берег. Обычно они боятся подходить близко к берегам, особенно в штормовую погоду. Берег представляет для них большую опасность. Если киты или дельфины попадают на мелководье, то им очень трудно оттуда выбраться в открытое море. А если они «садятся» на мель, то наверняка погибают, так как тяжестью своего тела настолько сдавливают легкие, что почти не в силах дышать. Кроме того, если их туловище не омывается все время водой, да еще и солнышко припекает, то с ними обязательно случается тепловой удар.

В чем дело? Почему иногда целые стаи дельфинов, даже таких первоклассных пловцов, какими являются гринды, все же попадают на берег и погибают?

Один голландский ученый, Дудок Ван Хил, специально изучал этот вопрос в течение многих-многих лет. Он установил, что киты и дельфины выбрасываются на берег в одних и тех же местах.

Он начал изучать эти места. Все они оказались похожими друг на друга. В тех

местах, где дельфины и киты выбрасывались на берег, морское дно не было каменистым и уходило от берега в глубь моря очень отлого, постепенно и всегда под одним и тем же углом.

Дудок Ван Хил сделал первое интересное открытие. Но пока оно еще ничего не объясняло. Было уже известно, что дельфины издают под водой разные звуки, в том числе ультразвуки, которые человек не слышит.

Дальше ученые установили, что дельфины, посылая вперед звуковую волну, воспринимают ее отражение от какого-нибудь препятствия, если оно там есть. Вот, скажем, плывет дельфин ночью на глубине 50 метров, где могут встретиться подводные скалы. Плывет быстро, со скоростью 15—30 километров в час. Он мог бы наткнуться на скалу и разбиться. Но этого не происходит, потому что дельфин все время посылает звуковые сигналы и воспринимает отраженную от препятствия звуковую волну. Это называется эхолокацией. И таким образом, дельфины и киты могут в темноте обходить все препятствия. А у дельфинов этот аппарат эхолокации настолько тонкий, что они «нащупывают» им даже сеть, которая стоит в воде. Правда, крупноячеистую они не замечают.

И вот теперь мы подходим к разгадке: почему же киты выбрасываются на берег? Неужели они действительно «самоубийцы»? Конечно, нет!

Дельфины и киты все время издают звуки, проверяют, нет ли впереди каких-нибудь препятствий. И когда звуковая волна к ним не возвращается, животные плывут спокойно. Ничто им не угрожает.

А если морское дно повышается к берегу постепенно? Теперь посмотрите на рисунок и вспомните физику. Угол падения всегда равен углу отражения. Это характерно не только для света, а и для звука.

Сигналы, которые подают киты и дельфины, ударяясь о пологое дно, не возвращаются к ним, а уходят в воздух. Не получая возвратного «эха», киты и дельфины уверенно плывут вперед. На их языке это означает: впереди препятствий нет. Они плывут так же быстро, как раньше. А когда уже брюхом почувствуют под собой дно, то не в силах преодолеть инерцию движения. С разгона вылетают они на берег и, конечно, погибают.

О том, как мороз рисует веточки на окнах, расскажет большой знаток природы Петр Петрович Смолин,

МОРОЗ-ХУДОЖНИК

Кто ж не видел этих диковинных «зарослей» на стекле, когда за окном разгуливает крепкий мороз? Потеплеет — таких узоров не будет. В чем тут дело? Во время сильных холодов вода не просто замерзает, а происходит при этом сложный процесс кристаллизации находящихся в воздухе водяных паров. Из них-то и получаются чудесные «паровые» занавеси, которые развешивает на окнах Дедушка Мороз.

Друзья мои! Я прошу еще минуту внимания.

Почему снегирю дали снежное имя? (Сафронова Галя, д. Троицкое Московской области.)

У окуня верхняя часть спины темнее, и у ерша тоже. У окуня брюшко светлое, и у ерша тоже. Почему? (Л. Бартошко, г. Пустошка Псковской области.)

Оказывает

Вода вокруг колоний губок всегда чиста и прозрачна. Выяснилось, что заботятся об этом сами губки. Они выделяют особые вещества, убивающие бактерии. Наиболее мощные антимикробные вещества, как показали исследования, получены из субтропических и краснородных губок — они убивают даже туберкулезные палочки!

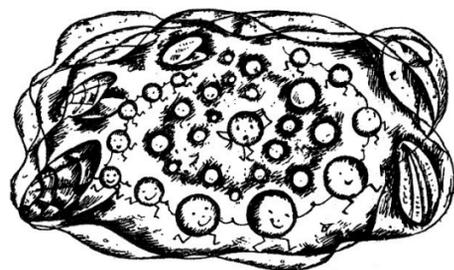
Молоко можно хранить годами. Для этого его надо подвергнуть пятиминутной обработке ультразвуком и затем заморозить в течение часа. Через два года, после того как молоко оттает, оно по вкусу ничем не отличается от свежего.

Однажды колонну легковых автомашин забросали камнями, которые летели с обочины шоссе. Возмущенные этой хулиганской выходкой водители решили поймать дорожного пирата. Каково же было их удивление, когда обнаружилось, что камни бросала... обезьяна. Застигнутая на месте преступления с камнями в лапах, маргышка — нарушитель порядка с писком убежала от своих преследователей и скрылась в прибрежных кустарниках.

Как оказалось, хозяин обезьяны в это время спокойно ловил рыбу. Он рассказал, что оставил маргышку в закрытой автомашине и не представляет себе, каким образом Зосе, так звали маргышку, удалось открыть дверцу машины.

Американские бизнесмены для развлечения публики научили пингвина Джоси кататься на роликовых коньках. И пингвину это, очевидно, очень понравилось.

Короткие лапки пингвино-роликбежца не позволяют, однако, ему стать подлинным спринтером этого вида спорта.

Более тридцати лет назад промышленники — искатели жемчуга были потрясены появлением на рынке роскошных ожерелий из крупных жемчужин. Но что особенно странно, продавались они по ценам настолько низким, что конкурировать с ними не было никакой возможности.

Жемчуг вывозили из Японии. Открытие новых богатых жемчужных отмелей казалось невероятным. Искатели жемчуга давным-давно обшарили все побережье, где только могли водиться жемчужницы.

А тайна японского жемчуга разгадывалась просто. Японцы в своих морях создали огромные плантации жемчужных раковин и получали жемчуг искусственным путем. Делали они это довольно просто. Под створку моллюска клали перламутровый шарик, завернутый в кусочек мантии, взятый от другого моллюска. Проволочные садки с раковинами подвешивали на тросах у поверхности воды в тихом мелководном заличике. Питались жемчужницы многочисленными инфузориями, живущими в теплой морской воде.

Через несколько лет шарики обрастали перламутром и превращались в жемчужины. Тогда раковины раскрывали, вынимали из них жемчуг и снова закладывали туда перламутр. Жемчужина средних размеров вырастала за пять-шесть лет, крупных — за десять-двенадцать.

Однако далеко не в каждой раковине вырастал жемчуг. Если из ста раковин с жемчужом были всего четыре — это

уже считалось хорошим урожаем. Искусственный жемчуг обходился значительно дешевле и почти совсем не отличался от настоящего.

Потребовалось несколько лет, чтобы найти способ, помогающий различать искусственно выращенный японский жемчуг от настоящего. Пришлось создавать даже специальную рентгеновскую аппаратуру.

В настоящее время обширные жемчужные «фермы» созданы в Австралии, Океании, на Цейлоне и в других местах.

Интересно, что способ выращивания искусственного жемчуга далеко не нов. Известный шведский ученый Карл Линней еще много лет тому назад предложил выращивать жемчуг в пресноводных двустворчатых моллюсках, закладывая в них песчинки при помощи серебряной проволочки. А китайцы многие столетия выращивают жемчуг, правда в незначительном количестве, закладывая в раковины крупинки сухой глины, мелкие жемчужинки и даже крошечные статуэтки Будды.

Не думайте, что рога есть только у копытных животных.

В Северной Африке, Аравии живет рогатая гадюка. Над глазами у нее два маленьких рожка. Знаменита она еще и тем, что изображения этой змеи встречаются на древнеегипетских папирусах в виде иероглифа, обозначающего букву «Ф».

В Южной Америке живут 16 видов рогатой лягушки. У них тоже над глазами имеются два небольших рожка. Эти заостренные выросты образованы из верхних век лягушки. Рогатые лягушки, как правило, крупные по размеру. Они достигают 20 сантиметров в длину. Окраска у них очень яркая и пестрая.

Есть у рогатых лягушек и еще одна особенность. Они подстерегают добычу, закопавшись в землю. Торчит только одна голова, которая по своей форме и окраске мало различима среди комочков земли. Питается она мышами, улитками и прочей мелкой живностью.

Известно, носороги — очень осторожные, свирепые и неподдающиеся приручению животные. Однако борцу Чарли Фури удалось завязать с ними дружбу настолько близкую, что они даже едят из его рук.

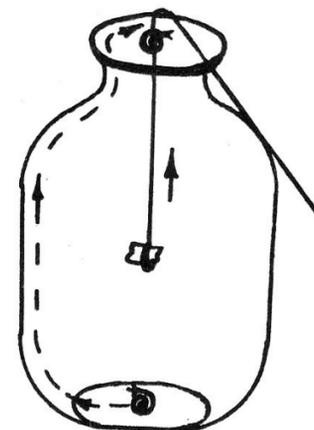

В Австралии живет сравнительно короткая (75 сантиметров) толстая змея, которая носит устрашающее название — змея смерти. Кажется, она-то уж всех убивает наповал, никого не оставляет в живых. Между тем местные жители уверяют, что ее укус не приносит большого вреда — человек испытывает лишь некоторое недомогание, но и оно проходит.

Соображают ли улитки? Недавно мне пришлось невольно призадуматься над этим.

А случилось вот что. Кончился корм для рыбок, и я решил помочь им. На белую нитку привязал размятый кусочек вареного куриного мяса и опустил в трехлитровую стеклянную банку, где вместе с рыбками находилась и улитка. Рыбки начали тереть мясо. Зашевелилась и улитка, до этого неподвижно сидевшая на дне банки. Видимо, и ей захотелось полакомиться. Она поднялась по стенке банки на уровень висящего кусочка мяса, но, разумеется, достать его не могла. Некоторое время улитка задержалась на месте, как бы соображая, каким же образом подобраться к лакомому кусочку. Затем она быстро стала двигаться вверх по стенке банки к нитке, на которой висело мясо. Добравшись до нее, она подобрала нитку под себя и стала тянуть ее, как мы тянем ведро воды из колодца. Кусочек все ближе и ближе приближался к улитке, и, наконец, она завладела им.

С тех пор каждый раз, как только кусочек куриного мяса появлялся в банке, улитка, «не раздумывая», направлялась к нитке и начинала тянуть ее.

Н. Сергеев

ЧЕТВЕРОНОГИЙ ФУТБОЛИСТ

В настоящее время во всем мире существует около 400 пород собак. У нас в СССР имеются не все, но выбор большой! Среди этих собак есть настоящие великаны, ростом почти в метр, а весом до 70 килограммов. Есть малыши-карлики, у которых рост раз в пять-шесть меньше великаньего, а вес всего 500—600 граммов. Каждая порода приспособлена для выполнения какой-либо работы. Служебные — для службы в армии, охраны складов и предприятий. Охотничьи — для разных видов охоты. Декоративные собаки не имеют специальности. Они так оригинальны и интересны своей внешностью, что просто «служат» любимцами своих хозяев. Не все собаки породистые, есть помеси разных пород. Но и среди них встречаются очень преданные своим хозяевам псы, способные к различной дрессировке.

Породистые собаки, конечно, ценнее. Приобретая породистого щенка, вы уверены, что при правильном уходе, кормлении и воспитании из него вырастет хорошая собака. А какой станет беспородная собака, угадать невозможно.

Никогда не покупайте щенка на рынке или на улице. Если вы хотите приобрести щенка служебной породы, обратитесь в Клуб служебного собаководства ДОСААФ. В том случае, если ваш выбор падет на охотничью или декоративную собаку, покупайте ее через Общество охотников. При покупке вам дадут родословную — документ, в котором перечислены предки щенка в нескольких поколениях. Щенка нужно сразу зарегистрировать в той организации, через которую его приобрели.

Чтобы ваш щенок рос крепким, подвижным и выносливым, хорошо, если он будет играть со

своими сверстниками. Ну, а если он растет один? Тогда вам придется взять на себя роль партнера по играм! Когда отправитесь на прогулку, побольше бегайте со своим щенком. Кроме того, сделайте для него игрушки. Возьмите обыкновенную небольшую резиновую грушу, отрежьте острый конец, иначе щенок может его отгрызть и проглотить, и положите игрушку на место, чтобы четвероногий малыш обнюхал ее и не боялся.

Когда щенок бодрствует, тихонько покатайте резиновый шар. Щенок настроится. У него проявится рефлекс преследования, и он побежит за катящейся игрушкой, догонит ее и обнюхает. Повторите эту игру еще раз. После небольшой тренировки щенок уверенно побежит за игрушкой и возьмет ее в рот. Мягкая податливая резина сначала сожмется, а затем выпрямится. Это, несомненно, понравится щенку, и он будет охотно бегать и играть с ней. Постепенно катите и бросайте шар все дальше, пусть щенок пробежится за ним. Если шар заменить мячом, ваш щенок может стать заправским четвероногим футболистом.

Другой игрушкой может служить мягкая тряпка. Привыкший бегать за удаляющимся предметом щенок бросится за тряпкой и схватит ее. Возьмите тряпку за другой конец, пусть щенок немного потянет ее. Только не тяните сами — можно легко раскатыть его зубы, и тогда может образоваться неправильный прикус, бракующий собаку. Никогда не давайте щенку ненужные вещи: старые туфли, перчатки, носки. Приученный к игрушкам, щенок не будет ничего портить и грызть в доме.

Одновременно с игрушками дайте щенку большую «сахарную» кость. Мелкие кости не давайте: щенок может подавиться ими. Нельзя давать щенку птичьи трубчатые кости. Их острые куски могут поранить пищевод и погубить вашего четвероногого друга.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Не все кактусы живут в жарких и засушливых пустынях. Многие растут во влажных тропических лесах Южной Америки, хотя климат тропиков совсем не похож на пустынный мексиканский. Там они поселяются в развилках ветвей деревьев, в дуплах, где скапливается перегной. Это эпифиты, то есть «живущие на других растениях». Почти все они ползучие или висячие и по своему внешнему виду совсем не похожи на кактусы. Часто эпифиты имеют плоские стебли, похожие на змей, или стебли в виде тонких палочек, вырастающих одна из другой. Колючки у эпифитов небольшие и слабые, обычно в виде щетинок. А у многих и вообще нет колючек. Ведь им не надо накапливать воду и экономно ее расходовать: в непроходимых лесах на берегу Амазонки так сыро!

К эпифитным кактусам относятся Рипсалисы, называемые «коралловыми», так как их стебли напоминают по форме кораллы; Зигокактусы, состоящие из отдельных как бы обрубленных членков; лесные ползучие Цереусы и

другие. Они хорошо растут в комнатах, только все у них шиворот-навыворот. Летом, когда все кактусы растут, они должны отдыхать, а зимой, когда, наоборот, у кактусов спячка и покой, эпифиты начинают расти и цвести. И это понятно. Эпифиты растут в южном полушарии. Когда у нас зима, там лето, и наоборот. Вот и не хотят эпифиты забывать о своей родине. Зимой им нужны тепло, свет, хорошая поливка и влажный воздух, а летом — сухость и прохлада.

Эпифиты любят рыхлую, питательную землю, можно добавить в нее торф и рубленый мох сфагнум. Глины не добавляйте — она слишком тяжела для нежных корешков. Известь тоже вредна им.

Зимой эпифиты и цветут. Цветочки Рипсалисов мелкие, невзрачные, желтоватые или белые. После цветения образуются плоды — маленькие полупрозрачные ягодки с черными семенами внутри. У Зигокактусов цветы крупные, чаще красных оттенков. Особенно красив гибридный Зигокактус «Зимняя сказка» с белыми цветками.

Эпифиты очень красивые, интересные и необычные кактусы. Попробуйте вырастить их сами.

Г. Вольский

Если кактус вытягивается, становится «тощим», бледно-зеленым, со слабыми колючками — значит ему недостает солнца. Такое больное растение можно вылечить, отправив его в «санаторий» — на солнечное, светлое место.

Если на нижних частях кактуса (на теле и на колючках) появляется белый, как мел, налет — это в земле накопилось очень много извести, и она откладывается на растении. Налет нужно счистить жесткой кисточкой, а землю подкислить слабым раствором лимонной кислоты.

Зеленые
ежики

20 коп.
Индекс 71121

